Гарри Поттер и кубок огня

Автор:
Джоан Роулинг

Гарри Поттер и кубок огня

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер #4

«Испытаний на протяжении этого учебного года будет три, и они позволят проверить способности чемпионов с разных сторон… колдовское мастерство – доблесть – способность к дедукции – и, разумеется, умение достойно встретить опасность».

В «Хогварце» проводится Тремудрый Турнир. К участию допускаются только волшебники, достигшие семнадцатилетия, но это не мешает Гарри мечтать о победе. А потом, во время Хэллоуина, когда Кубок Огня делает выбор, Гарри с огромным удивлением узнает, что ему тоже предстоит стать участником состязания. Он столкнется со смертельно опасными заданиями, драконами и темными волшебниками, но с помощью лучших друзей, Рона и Гермионы, возможно, ему удастся преодолеть все препятствия – и остаться в живых!

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и кубок огня

Посвящается Питеру Роулингу, памяти мистера Ридли, а также Сьюзен Слэдден, которые помогли Гарри выбраться из чулана

Глава первая

Дом реддлей

В деревне Малый Висельтон этот особняк по старинке называли «домом Реддлей», хотя семья Реддлей давно уже здесь не жила. Особняк высился на холме над деревней. Окна тут и там были заколочены, с крыши постепенно осыпалась черепица, а по фасаду буйно и беспрепятственно расползался плющ. Когда-то прекрасный, все в округе затмевавший величием, дом Реддлей стоял теперь замшелый, заброшенный и необитаемый.

Малые висельтонцы сходились во мнении, что старый дом – «жуть, да и только». Полвека назад в нем случилось нечто странное и ужасное, нечто такое, о чем старожилы до сих пор любили посудачить, когда иссякали другие темы для сплетен. От бесконечных пересказов история обросла цветистыми подробностями, и никто уже не знал, где правда, а где нет, но все версии начинались одинаково: с прекрасного летнего утра пятьдесят лет назад, когда солидный дом Реддлей еще блистал своей лощеной красотой. В тот день на рассвете служанка вошла в гостиную и обнаружила всех троих обитателей дома мертвыми.

Служанка заголосила и помчалась с холма, поднимая деревню:

– Лежат! Холодные как лед! А глаза-то открытые! Как были – в вечерней одеже!

Вызвали полицию. В Малом Висельтоне бурлило потрясенное любопытство и плохо скрываемое возбуждение. Никто особо и не пытался притвориться, что жалеет Реддлей – их не любили. Эти богачи, старый мистер Реддль с женой, только и умели, что нос задирать да на всех гавкать, а их взрослый сын Том и подавно. Жителей деревни волновало одно: кто убийца? Ясно же, что три вроде бы вполне здоровых человека не могут дружно помереть своею смертью в одну ночь.

В тот вечер в «Висельчаке», деревенском пабе, не успевали принимать заказы; народ пришел обсуждать убийство. И люди не пожалели, что покинули родные очаги: явилась кухарка Реддлей и драматически объявила притихшему собранию, что арестовали Фрэнка Брайса.

– Фрэнка?! – вскричало сразу несколько человек. – Не может быть!

Фрэнк Брайс работал у Реддлей садовником и жил при особняке в полуразвалившемся домике. Он, как вернулся после войны с искалеченной ногой и огромной неприязнью к шуму и толпам, так и поступил к Реддлям.

Кухарку поспешили угостить стаканчиком, ибо жаждали услышать подробности.

– А я всегда говорила, дурковатый он! – сообщила она напряженно внимающей толпе после четвертого хереса. – Смурной какой-то вечно. Я ж к нему и с чайком, и так и этак, посидим-де, потолкуем, а он – бирюк бирюком!

– Бросьте, – вмешалась женщина у стойки, – как-никак человек прошел войну. Фрэнк любит покой. С какой стати…

– А у кого ж еще был ключ от задней двери? – бухнула кухарка. – Сколько себя помню, всегда у садовника запасной ключ висел! Дверь-то не взломана! Окна не разбиты! Фрэнку всего-то и надо было, пробраться в большой дом, пока все спят…

Народ мрачно переглянулся.

– Мне он никогда не нравился, вот хоть режь, – проворчал мужик у стойки.

– Это он на войне сделался такой странный, – сказал хозяин заведения.

– Помнишь, я же говорила, что Фрэнку под горячую руку не попадайся, помнишь, Дот? – жарко заговорила женщина в углу.

– Ужасный характер, – рьяно закивала Дот. – Помню, когда он был еще пацаненком…

К утру никто уж и не сомневался, что Реддлей прикончил Фрэнк Брайс.

Однако неподалеку, в соседнем городке Большой Висельтон, в сумрачном и грязном полицейском участке Фрэнк упрямо твердил, что не виноват, а возле дома в день убийства видел разве только незнакомого паренька, бледного и

темноволосого. Больше никто в деревне никакого паренька не приметил, и в полиции были уверены, что Фрэнк его выдумал.

Над головой бедного Фрэнка сгустились тучи, но тут прибыл рапорт о вскрытии – и ситуация совершенно переменилась.

Полицейским никогда еще не попадался рапорт необычнее. Патологоанатомы всесторонне исследовали тела и пришли к заключению, что ни один из Реддлей не был отравлен, зарезан, застрелен, задушен, не задохнулся сам и (насколько можно судить) вообще не пострадал. Собственно говоря, сообщалось в рапорте с явным изумлением, все Реддли отменно здоровы – правда, мертвы. Доктора, впрочем, не преминули указать (как бы пытаясь отыскать хоть что-нибудь несообразное), что на лицах у покойных застыло выражение смертельного ужаса – но слыхано ли, разочарованно заметили полицейские, чтобы людей, троих разом, взяли и запугали до смерти?

Поскольку доказательств, что Реддлей убили, не нашлось, Фрэнка отпустили. Реддлей похоронили при маловисельтонской церкви, и одно время их могилы сильно привлекали любопытных. Фрэнк Брайс, ко всеобщему удивлению и несмотря на косые взгляды, вернулся в свой домик в поместье Реддлей.

– А я вам говорю, это он их порешил, и мало ли чего там считает полиция, – заявила Дот в «Висельчаке». – Была б у него совесть, он бы здесь не остался, коль уж мы все знаем, что он убийца.

Но Фрэнк не уехал. Он остался и ухаживал за садом для следующего семейства, поселившегося в доме Реддлей, а потом и для следующего – долго в особняке никто не задерживался. Из-за Фрэнка или еще почему всякий новый владелец объявлял атмосферу в доме неприятной, и так, в отсутствие обитателей, особняк приходил в упадок.

Нынешний состоятельный владелец не жил в доме Реддлей и вообще им не пользовался; в деревне говорили, что он купил дом «по налоговым соображениям», но не умели толком объяснить, что это значит. Состоятельный владелец тем не менее продолжал платить Фрэнку за садовничество. Фрэнк готовился отметить свое семидесятисемилетие. Он почти оглох, хромал сильнее прежнего, но в хорошую погоду исправно тыкал совком в клумбы, хотя сорняки

уже грозили прорасти сквозь него самого.

Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки взяли дурную манеру бросаться камнями в окна особняка. Они гоняли на велосипедах прямо по газонам, за которыми Фрэнк так старательно ухаживал. Пару раз хулиганы вломились в старый дом на слабо. Они знали, что старик Фрэнк будет до последнего защищать дом и двор, и потешались, глядя, как он ковыляет на хромой ноге, угрожающе размахивает палкой и, ворона вороной, выкрикивает проклятия. А по убеждению Фрэнка, мальчишки издевались, потому что, как и их родители, и дедушки с бабушками, считали его убийцей. И однажды августовской ночью, проснувшись и заметив, что в доме творится что-то очень и очень подозрительное, он решил, что мучители всего-навсего опять пытаются его доконать.

Фрэнка разбудила боль в ноге; в старости она его совсем затерзала. Он поднялся с постели и, хромая, спустился в кухню, думая подлить горячей воды в грелку, которая одна могла унять ноющее колено. Стоя перед раковиной и дожидаясь, пока наполнится чайник, он взглянул на дом Реддлей и в верхних окнах увидел мерцающий свет. Фрэнк мигом догадался, в чем дело. Опять мальчишки! Вломились в дом и к тому же – судя по отблескам – развели там костер!

Телефона у Фрэнка не было, да и в любом случае после своего ареста он сильно не доверял полиции. Он отставил чайник, поспешил наверх, насколько позволяла больная нога, оделся, вскоре вернулся в кухню и снял с крючка у двери ржавый запасной ключ. Захватил свою палку, что стояла у стены, и вышел во тьму.

Передняя дверь дома Реддлей не взломана. Окна тоже в порядке. Фрэнк похромал вокруг дома к задней двери, почти заросшей плющом, вставил ключ в замочную скважину и бесшумно отворил.

Он прошел в гулкую кухню. Не заходил сюда вот уже много лет, однако вспомнил, какая дверь ведет в холл, и ощупью направился туда. Ноздри наполнил запах тлена и разрушения, слух обострился до предела в ожидании малейшего отзвука шагов или голосов. Он вышел в холл, где было чуть светлее – по обеим сторонам парадной двери высокие окна, – и начал карабкаться вверх по лестнице. Хорошо, что толстый слой пыли на каменных ступенях заглушает стук подошв и палки.

На площадке Фрэнк повернул вправо и сразу понял, где хулиганы: дверь в самом конце коридора была приоткрыта, и в щели неярко мерцал свет, длинной золотой полосой ложась на черный пол. Фрэнк, крепко ухватившись за палку, потихоньку продвигался ближе. В нескольких футах от порога за дверью стала видна часть комнаты.

Огонь, как выяснилось, разожгли в очаге. Это удивило Фрэнка. Он замер и внимательно прислушался: из комнаты доносился мужской голос, робкий и даже испуганный:

– В бутылке кое-что осталось, милорд, если вы еще голодны.

– Позже, – раздался второй голос. Он тоже принадлежал мужчине, но звучал странно: пронзительно и холодно, как внезапный порыв ледяного ветра. Почему-то от этого голоса редкие волосы у Фрэнка на затылке встали дыбом. – Придвинь меня к огню, Червехвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Звякнула бутылка, поставленная на что-то твердое, ножки кресла тяжело и глухо проскребли по полу. В проеме спиной к Фрэнку промелькнул человечек: он толкал кресло к камину. Длинный черный плащ, на затылке плешь. Потом человечек вновь исчез из виду.

– Где Нагини? – спросил ледяной голос.

– Не… не знаю, милорд, – нервически задрожал в ответ первый голос. – Осматривает дом, по-моему…

– Ты подоишь ее перед тем, как мы отправимся спать, Червехвост, – приказал второй голос. – Ночью мне понадобится питание. Путешествие крайне утомило меня.

Нахмурив брови, Фрэнк наклонил слышащее ухо еще ближе к двери. После паузы человек по прозвищу Червехвост снова заговорил:

– Милорд? Позвольте спросить, долго мы здесь пробудем?

– Неделю, – ответил ледяной голос. – Или дольше. Здесь достаточно удобно, а дальнейшее развитие плана пока невозможно. Глупо действовать, пока не кончится чемпионат мира по квидишу.

Фрэнк сунул в ухо шишковатый палец и повертел. Видимо, опять сера скопилась – иначе откуда бы такое непонятное слово «квидиш»? Да и не слово это никакое.

– Чем… чемпионат по квидишу, милорд? – переспросил Червехвост. (Фрэнк сильнее повертел пальцем в ухе.) – Простите, но… я не понимаю… зачем нам ждать окончания чемпионата?

– Затем, идиот, что сейчас в страну прибывают колдуны со всего мира и болваны из министерства магии уже начеку и по любому поводу проверяют и перепроверяют удостоверения личности. Они же помешаны на безопасности – а то ведь муглы, не приведи небо, заметят! Уж лучше мы подождем.

Фрэнк оставил попытки прочистить ухо. Он явственно расслышал слова «министерство магии», «колдуны» и «муглы». Без сомнения, эти выражения что-то обозначают – это шифр. Фрэнк знал лишь два типа людей, употребляющих шифры, – стало быть, тут у нас либо шпионы, либо преступники. Фрэнк покрепче уперся в пол палкой и стал слушать еще внимательнее.

– Значит, ваша светлость, вы полны решимости? – тихонько спросил Червехвост.

– Разумеется, я полон решимости, Червехвост. – В ледяном голосе засквозила злоба.

Еле уловимая пауза – а затем Червехвост заговорил. Слова посыпались из него кувырком, точно он спешил высказаться прежде, чем потеряет кураж.

– Это можно сделать и без Гарри Поттера, милорд.

Снова пауза, длиннее.

– Без Гарри Поттера? – еле слышно выдохнул второй голос. – Понятно…

– Милорд, я говорю это не потому, что забочусь о мальчишке! – взвизгнул Червехвост. – Мальчишка для меня ничего не значит, совсем ничего! Но с другим колдуном или ведьмой – любым другим колдуном или ведьмой! – дело бы сладилось гораздо быстрее! Если бы вы согласились отпустить меня ненадолго – вы же знаете, я умею превосходно маскироваться, – я бы вернулся с подходящим человеком уже через пару дней…

– Я мог бы использовать другого колдуна, – тихо сказал второй голос, – это правда…

– Милорд, это ведь разумно, – в голосе Червехвоста слышалось огромное облегчение, – потому что достать Гарри Поттера так сложно, его так тщательно охраняют…

– И ты готов привести замену? Интересно… быть может, тебе, Червехвост, стало утомительно выкармливать меня? Быть может, твое предложение изменить первоначальный план не что иное, как попытка сбежать от меня?

– Милорд! Я вовсе не хочу покидать вас, у меня нет ни малейшего…

– Не смей мне лгать! – зашипел второй голос. – Я всегда знаю, когда ты лжешь, Червехвост! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я тебе отвратителен. Я же вижу, как ты кривишься, когда смотришь на меня, вижу, как ты содрогаешься, прикасаясь ко мне…

– Нет! Моя преданность вашей светлости…

– Твоя преданность – от трусости. Ты пришел, потому что больше некуда было идти. Как я выживу без тебя, если меня необходимо кормить каждые несколько часов? Кто будет доить Нагини?

– Но вы так окрепли, милорд…

– Лжец, – выдохнул второй голос. – Я вовсе не окреп, а за несколько дней в одиночестве могу лишиться и того весьма сомнительного здоровья, которое обрел благодаря твоей неуклюжей заботе. Тихо!

Червехвост, безостановочно бормотавший что-то невразумительное, мгновенно умолк. Несколько секунд Фрэнк слышал только, как в камине потрескивает огонь. Затем второй человек снова зашептал – будто змея зашипела:

– У меня свои причины использовать мальчишку, как я тебе уже объяснял, и никто другой мне не подходит. Я ждал тринадцать лет. Подожду и еще несколько месяцев. Что касается его охраны, я уверен, мой план сработает. А от тебя, Червехвост, требуется лишь немного отваги – и ты найдешь ее в себе, если не хочешь познать всю полноту гнева Лорда Вольдеморта…

– Милорд, позвольте сказать! – в панике закричал Червехвост. – Все наше путешествие я снова и снова обдумывал ваш план – милорд, исчезновение Берты Джоркинс не останется незамеченным надолго, и если мы продолжим, если я наложу проклятие на…

– Если? – ужасным шепотом переспросил второй голос. – Если? Если ты будешь действовать по плану, Червехвост, в министерстве никогда не догадаются, что исчез кто-то еще. Ты все сделаешь тихо, без суеты; я лишь жалею, что не могу сам, но… в моем нынешнем положении… Ну полно, Червехвост! Осталось устранить всего одно препятствие – и путь к Гарри Поттеру свободен! Я не требую, чтобы ты работал в одиночку. Нет, к тому времени к нам присоединится мой верный слуга…

– Я ваш верный слуга, – сказал Червехвост с еле заметной обидой.

– Червехвост, мне нужен тот, у кого есть мозги, кто ни на минуту не дрогнул в своей преданности, а ты, к несчастью, моим требованиям не удовлетворяешь.

– Это я вас нашел, – обида Червехвоста проступила явственно, – я! И привел к вам Берту Джоркинс.

– Это правда, – отозвался второй, слегка развеселившись. – Проблеск гения, которого я, признаться, не ожидал от тебя, Червехвост, – хотя, если уж начистоту, ты ведь не сознавал, сколь полезна она окажется, правда?

– Я… я сразу подумал, что она может пригодиться, милорд…

– Лжец, – заявил второй человек, уже откровенно и жестоко веселясь. – При этом, не отрицаю, ее информация была бесценна! Без нее мой план попросту провалился бы. Ты будешь вознагражден, Червехвост. Я позволю тебе исполнить для меня чрезвычайно важное дело – многие из моих последователей охотно отдали бы за это правую руку…

– Н-н-неужели, милорд? Какое же?.. – Червехвост опять пришел в ужас.

– Ах, Червехвост, зачем портить сюрприз? Твой выход в самом конце спектакля… Но обещаю, тебе будет предоставлена честь внести столь же важную лепту, как и Берта Джоркинс.

– Вы… вы… – Червехвост вдруг охрип, словно у него совершенно пересохло во рту. – Вы… убьете… и меня тоже?

– Червехвост, Червехвост, – укорил ледяной голос, – ну зачем мне тебя убивать? Берту убить пришлось, после допроса от нее уже решительно не было проку. Да и в любом случае, представь, какие вопросы ей стали бы задавать, вернись она в министерство с известием, что на каникулах повстречала тебя. Псевдопокойным личностям не след встречаться с министерскими ведьмами в придорожных гостиницах…

Червехвост забормотал так тихо, что Фрэнк не расслышал, но второй человек расхохотался – и этот смех, ледяной, как и его голос, лишен был всякой радости.

– Модифицировать ее память? Но заклятия забвения так легко снимаются умелыми колдунами – что я сам доказал, когда ее допрашивал. Кроме того, было бы оскорблением ее памяти не использовать информацию, которую я извлек.

Фрэнк внезапно заметил, что рука, стиснувшая палку, стала скользкой от пота. Человек с ледяным голосом убил женщину. И говорит об этом без тени сожаления – ему весело. Он опасен – маньяк. И планирует новое убийство – мальчик, Гарри Поттер какой-то, в опасности…

Фрэнк знал, что делать. Вот сейчас-то ему прямая дорога в полицию. Он выберется из дома и направится в деревню, к телефонной будке… но ледяной голос зазвучал опять, и Фрэнк застыл на месте, ловя каждое слово.

– Еще только одно проклятие… мой верный слуга в «Хогварце»… и Гарри Поттер – мой! Решено. Больше никаких споров. Но тихо… кажется, я слышу Нагини…

Его голос переменился. Таких звуков Фрэнк никогда раньше не слыхивал; не переводя дыхания, человек шипел и брызгал слюной. Наверное, припадок, решил Фрэнк.

И вдруг сзади, в коридоре, что-то шевельнулось. Фрэнк обернулся – и от страха его парализовало.

По полу скользило нечто, и, когда оно оказалось в полосе света от камина, он в ужасе разглядел, что это гигантская змея – футов двенадцать по меньшей мере. Пораженный, онемевший, Фрэнк смотрел, как ее тело волнами прорезает в пыли широкую дугу и подползает все ближе, ближе… Что делать? Спрятаться можно только в комнате, где эти двое планируют убийство, но, если остаться здесь, змея, скорее всего, убьет его…

Не успел он ничего сообразить, как змея поравнялась с ним, а затем – непостижимо, просто чудо какое-то! – проползла мимо, влекомая шипением и фырканьем человека с ледяным голосом. Мгновение – и ее узорчатый, в ромбах, хвост исчез за дверью.

Фрэнка прошиб пот, рука с палкой задрожала. Из комнаты неслось шипение, и старика посетила странная, невозможная мысль… Этот человек умеет говорить по-змеиному.

Да что ж тут происходит? Больше всего на свете Фрэнк хотел очутиться в своей постели со своей грелкой. Только вот беда – ноги не двигаются. Пока он трясся и старался совладать с собой, ледяной голос вдруг вновь заговорил на нормальном английском языке.

– Нагини принесла интересное известие, Червехвост, – сказал он.

– В с-с-самом д-деле, м-милорд? – отозвался тот.

– В самом деле, – подтвердил голос. – По словам Нагини, за дверью стоит старый мугл и слушает наш разговор.

Фрэнк никак не успел бы спрятаться. Раздались шаги, и дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял низкорослый седеющий мужчина с острым носом и маленькими водянистыми глазками, и на лице его страх мешался с тревогой.

– Пригласи его войти, Червехвост. Что у тебя за воспитание?

Ледяной голос доносился из старинного кресла, повернутого к огню. Кто говорит, Фрэнк не видел. Но видел, что на полусгнившем коврике у камина свернулась змея – жуткая пародия на комнатную собачку.

Червехвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на потрясение, старик посильнее ухватился за палку и, прихрамывая, переступил порог.

Камин был единственным источником света в комнате; он отбрасывал на стены длинные паукообразные тени. Фрэнк смотрел на задник кресла; человек, сидевший в нем, видимо, был еще меньше, чем его слуга, – даже макушка не показывается.

– Ты все слышал, мугл? – прозвучал ледяной голос.

– Как это вы меня назвали? – спросил Фрэнк с вызовом. Теперь, когда пришло время действовать, он расхрабрился; вот и на войне всегда так бывало.

– Я назвал тебя муглом, – невозмутимо объяснил голос. – Это означает, что ты не колдун.

– Не знаю, что еще за «колдун» такой, – голос Фрэнка окреп, – знаю только, что наслушался довольно и полиция вами заинтересуется, уж будьте уверены. Вы совершили убийство и затеваете новое! И вот еще что, – добавил он по наитию, – моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь…

– У тебя нет никакой жены, – очень спокойно оборвал голос. – Никто не знает, где ты. Ты никому не говорил, что идешь сюда. Бесполезно лгать Лорду Вольдеморту, ибо он видит… он все видит…

– Ах вот как? – выпалил Фрэнк. – Лорд, стало быть? Ну и манеры же у вас, дорогой лорд. Повернулись бы лицом, как подобает человеку!

– Но я не человек, мугл, – еле слышный за потрескиванием поленьев, молвил голос. – Я гораздо, гораздо больше, чем просто человек… Однако… почему бы и нет? Я покажу тебе свое лицо… Червехвост, будь любезен, разверни кресло.

Слуга заскулил.

– Ты слышал меня, Червехвост.

Медленно-медленно, гадливо сморщившись, будто готов на что угодно, лишь бы не приближаться к своему господину и коврику со змеей, человечек подошел и начал разворачивать кресло. Змея подняла отвратительную треугольную голову и легонько зашипела, когда ножки кресла задели коврик.

И вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что там. Палка со стуком упала на пол. Фрэнк распахнул рот и завопил. Он вопил так громко, что не услышал тех слов, которые, подняв палочку, произнес сидевший в кресле. Ослепительно полыхнуло зеленым, что-то просвистело в воздухе, и Фрэнк Брайс упал как подкошенный. Он умер, еще не коснувшись пола.

В двухстах милях от особняка мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

Глава вторая

Шрам

Гарри лежал на спине и дышал тяжело, как после длительной пробежки. Он проснулся от очень яркого сна, прижимая к лицу ладони. На лбу под пальцами адской болью полыхал старый шрам, будто в кожу только что вдавили раскаленную проволоку.

Он сел, не отнимая одной руки от шрама, а другой нашаривая в темноте очки на тумбочке. Надел их, и прояснилась комната, тускло освещенная рассеянным оранжевым светом уличного фонаря за занавесками.

Гарри осторожно ощупал шрам. Все еще больно. Он включил лампу, вылез из постели, подошел к шкафу и открыл. Из зеркала на дверце недоуменно глядел худенький мальчик лет четырнадцати, со встрепанными черными волосами и блестящими зелеными глазами. Гарри внимательно посмотрел на свой лоб. Шрам, в форме зигзага молнии, выглядел как обычно, но сильно саднил.

Гарри попытался вспомнить сон. Все казалось таким реальным… двое знакомых людей и один незнакомый… хмурясь, он напряженно думал, припоминая…

В голове всплыла картинка: полутемная комната… змея на коврике у камина… человечек по имени Питер, по прозвищу Червехвост… пронзительный ледяной голос… голос Лорда Вольдеморта. При одной мысли о нем в живот как будто проскользнул кубик льда…

Гарри крепко зажмурился и постарался вспомнить, как выглядел Вольдеморт, но не смог… помнил только, что, едва кресло повернулось, накатил смертельный ужас и он мгновенно проснулся… Или его разбудила боль во лбу?

И что это был за старик? Там точно был какой-то старик; Гарри видел, как он упал на пол. В голове все перемешалось; мальчик закрыл лицо руками, чтобы не видеть комнаты и удержать воспоминание, – но нет, это все равно что пытаться удержать воду в ладонях; чем сильнее он цеплялся за сон, тем быстрее сон ускользал… Вольдеморт и Червехвост говорили, что убили кого-то, но Гарри никак не мог вспомнить имени… и они собирались убить кого-то еще… его самого!

Гарри убрал руки от лица, открыл глаза и оглядел комнату, словно ожидал увидеть что-то необычное. И правду сказать, необычных вещей тут хватало. В изножье кровати открытый деревянный сундук, внутри котел, метла, черные колдовские мантии и разнообразные книги заклинаний. На письменном столе большая пустая клетка, где обычно восседает полярная сова Хедвига, а вокруг клетки сплошь пергаментные свитки. На полу у кровати открытая книга; вечером Гарри читал ее, пока не заснул. Люди на иллюстрациях двигались. Мужчины в ярко-оранжевых мантиях гоняли на метлах, то появляясь, то исчезая

из поля зрения, и перебрасывались красным мячом.

Гарри поднял книжку с пола, проследил, как один колдун забил весьма впечатляющий гол в кольцо на шесте пятидесятифутовой высоты. И захлопнул книгу. Сейчас даже квидиш – по мнению Гарри, лучшая игра на свете – не мог отвлечь его от тяжелых мыслей. Он отложил «Полеты с “Пушками”» на тумбочку, подошел к окну и раздвинул занавески.

Бирючинная улица выглядела так, как и подобает почтенной пригородной улице в субботу перед рассветом. Все окна зашторены. И, насколько можно различить в темноте, нигде ни единого живого существа, даже кошки.

И все же… все же… Гарри в тревоге вернулся к кровати, сел и снова провел пальцем по шраму. Его беспокоила вовсе не боль; он был привычен и к боли, и к травмам. Однажды он вообще лишился костей в правой руке и провел кошмарную ночь, дожидаясь, пока они отрастут заново. Вскоре ту же самую руку насквозь пронзил ядовитый змеиный зуб длиной в фут. Не далее как в прошлом году Гарри, летая на метле, упал с высоты в пятьдесят футов. Короче говоря, наистраннейшие несчастные случаи и увечья – обычное дело для Гарри; в сущности, они неизбежны, если ты учишься в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств, и вдобавок обладаешь талантом вляпываться в истории.

Беспокоило его другое. В прошлый раз шрам болел, когда Вольдеморт был рядом… но его же нет… невозможно и представить себе, чтобы он рыскал ночью по Бирючинной улице, это абсурд…

Гарри напряженно вслушался в ночную тишину. Ожидал ли он скрипа ступеней, шороха плаща? Внезапно он вздрогнул – но это всего лишь мощно всхрапнул за стенкой двоюродный брат Дудли.

Гарри внутренне встряхнулся; ну что за глупости; в доме никого, кроме дяди Вернона, тети Петунии и Дудли, и все они спят, и ничего плохого и страшного им не снится.

Надо сказать, именно в таком виде – спящими – Дурслеи устраивали Гарри более всего; когда они бодрствовали, радости от них было мало. Дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли, единственные родственники Гарри, были муглами (неколдунами), презирали и ненавидели колдовство во всех его проявлениях, и в

доме у них Гарри чувствовал себя какой-то плесенью. Последние три года, объясняя длительное отсутствие племянника, Дурслеи говорили соседям, что он воспитывается в заведении св. Грубуса – интернате строгого режима для неисправимых преступников. Дяде и тете было прекрасно известно, что несовершеннолетним колдунам воспрещается заниматься магией вне стен «Хогварца», и все же именно Гарри они винили во всех происшествиях, что случались в доме. Нелепа сама мысль о том, чтобы довериться родственникам и вообще рассказать им хоть что-нибудь о жизни в колдовском мире. Вот и сейчас: пойти к ним, когда они проснутся, и пожаловаться на боль во лбу, на беспокойство из-за Вольдеморта? Да это просто смешно!

Тем не менее изначально Гарри оказался у Дурслеев именно из-за Вольдеморта. Если бы не Вольдеморт, у Гарри не было бы шрама. Если бы не Вольдеморт, у него были бы родители…

Гарри был всего годик, когда однажды ночью Вольдеморт – самый могущественный черный маг столетия, колдун, одиннадцать предшествующих лет набиравший силу, – явился к ним в дом и убил его родителей. Потом Вольдеморт обратил свою волшебную палочку на Гарри и произнес слова, которые смели с его пути к власти многих и многих взрослых колдунов и ведьм, – но проклятие чудесным образом не сработало. Вместо того чтобы прикончить малыша, оно рикошетом ударило по Вольдеморту. Гарри отделался небольшим шрамом в форме зигзага молнии, а Вольдеморт превратился в жалкую тварь. Лишившись колдовской силы, почти лишившись самой жизни, Вольдеморт исчез; кошмар, что так долго нависал над тайным колдовским сообществом, рассеялся, приспешники Вольдеморта разбежались, а Гарри Поттер сделался знаменит.

Когда в свой одиннадцатый день рождения Гарри узнал, что он колдун, это явилось для него изрядным потрясением; но то, что в скрытом от посторонних глаз колдовском мире каждый ребенок знает его имя, добило его окончательно. В «Хогварце», куда бы он ни пошел, вслед ему поворачивались головы и несся взволнованный шепоток – с таким не сразу освоишься. Теперь-то он привык, как-никак осенью идет уже в четвертый класс. Гарри с нетерпением считал дни, отделяющие его от возвращения в любимый замок.

Но до первого сентября оставалось целых две недели. Гарри вновь безнадежно обвел глазами комнату, и его взгляд задержался на открытках, присланных двумя лучшими друзьями в конце июля ему на день рождения. Что бы сказали

они, если б он написал им про шрам?

Моментально в голове зазвенел встревоженный голос Гермионы Грейнджер:

«Шрам болит? Гарри, это очень серьезно… Срочно напиши профессору Думбльдору! А я пойду посмотрю “Справочник распространенных колдовских заболеваний и недугов”… Может, там есть что-нибудь про шрамы от проклятий…»

Да, именно это и посоветовала бы Гермиона: обращайся прямиком к директору «Хогварца», а пока суд да дело, загляни в книгу. Гарри уставился в окно, в чернильно-синие небеса. Он сильно сомневался, что книга поможет. Насколько ему известно, он единственный человек на земле, переживший такое проклятие, а следовательно, вряд ли его симптомы описаны в «Справочнике». Что же касается директора, Гарри понятия не имел, где Думбльдор проводит лето. Он отвлекся на минуту, вообразив, как Думбльдор – с длинной серебристой бородой, в полном колдовском облачении и островерхой шляпе – лежит на пляже и втирает лосьон для загара в крючковатый нос. Разумеется, где бы Думбльдор ни находился, Хедвига непременно его отыщет; сова еще ни разу не сплоховала при доставке писем, даже без адреса. Только вот что написать?

«Уважаемый профессор Думбльдор! Извините, что беспокою, но сегодня ночью у меня болел шрам. Искренне Ваш, Гарри Поттер».

Даже в воображении – глупость страшная.

Тогда он попытался представить реакцию своего друга Рона Уизли. Сразу же перед внутренним взором всплыла длинноносая, веснушчатая физиономия с удивленно вытаращенными глазами.

«Шрам болит? Но… ведь Сам-Знаешь-Кого не может быть рядом, правда? В смысле… ну, ты бы ведь почувствовал, да? И он бы опять постарался тебя кокнуть, разве нет? И вообще, Гарри, я не знаю, может, шрамы от проклятий всегда немножечко зудят… Спрошу у папы…»

Мистер Уизли, высококвалифицированный колдун, работал в министерстве магии, в отделе неправомочного использования мугл-артефактов, но, по сведениям Гарри, не был специалистом по проклятиям. Да и в любом случае

Гарри претила мысль, что вся семья Уизли узнает, какую панику Гарри поднял из-за минутной боли во лбу. Миссис Уизли засуетится похуже Гермионы, а шестнадцатилетние братья-близнецы Рона, Фред с Джорджем чего доброго решат, что Гарри сдрейфил. Он обожал семейство Уизли; он очень надеялся, что они, может, вскоре пригласят его к себе (Рон же обмолвился про чемпионат мира по квидишу), и ему совсем не хотелось, чтобы пребывание в гостях омрачалось тревожными расспросами про шрам.

Гарри потер лоб костяшками. На самом деле ему хотелось (и почти стыдно было признаться в этом даже себе) кого-то… ну, вроде родителя: взрослого колдуна, у кого можно, не чувствуя себя дураком, спросить совета и кто небезразличен к тебе и разбирается в черной магии…

И тут до него дошло. Так просто и так очевидно – непонятно, как он сразу не додумался, – Сириус!

Гарри вскочил с кровати и кинулся за стол; подтащил пергамент, окунул орлиное перо в чернила, написал: «Дорогой Сириус!» – и задумался, как бы получше облечь в слова свою тревогу, между тем удивляясь, почему он с самого начала не вспомнил о Сириусе. Хотя, если разобраться, тут нет ничего удивительного – о том, что Сириус его крестный, Гарри узнал всего два месяца назад.

До этого Сириус отсутствовал в жизни крестника по вполне объяснимой причине: сидел в Азкабане, страшной колдовской тюрьме, охраняемой жуткими существами – дементорами. После побега Сириуса эти незрячие душесосущие демоны явились за ним в «Хогварц». А ведь Сириус был невиновен – его осудили за убийства, совершенные приспешником Вольдеморта Червехвостом, которого практически все считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона знали правду; в прошлом году они столкнулись с Червехвостом лицом к лицу, но их рассказу тогда поверил лишь Думбльдор.

В продолжение одного-единственного восхитительного часа Гарри думал, что наконец-то уедет от Дурслеев, – Сириус предложил жить с ним, как только с него снимут обвинения. Но счастливая возможность ускользнула – Червехвост удрал раньше, чем его успели сдать представителям министерства магии, и Сириусу пришлось спасаться бегством. Гарри помог ему, Сириус улетел на гиппогрифе по кличке Конькур и с тех пор скрывался. Все лето Гарри преследовал образ дома, который мог бы у него быть, не убеги тогда

Червехвост. Было вдвойне трудно вернуться к Дурслеям, зная, что, если бы не трагическая случайность, он бы избавился от них навсегда.

Но Сириус очень помогал крестнику даже заочно. Благодаря Сириусу Гарри теперь держал школьные принадлежности у себя в комнате. Раньше Дурслеи такого не позволяли; их страх перед колдовскими способностями Гарри и извечное стремление портить ему жизнь заставляли их запирать сундук со школьными вещами в чулане под лестницей. Однако их отношение переменилось, стоило им узнать, что крестный отец у Гарри – маньяк-убийца, а что Сириус невиновен, Гарри упомянуть «забыл».

С возвращения на Бирючинную улицу Гарри получил от Сириуса два письма. Оба доставили не совы (как принято в колдовском мире), а большие, яркие тропические птицы. Хедвига относилась к вторжениям этих броских созданий неодобрительно и с огромной неохотой подпускала их к своей поилке перед обратной дорогой. А вот Гарри они нравились – глядя на них, он воображал пальмы и белый песок и надеялся, что Сириус, где бы ни находился (в письмах он об этом умалчивал, на случай если те попадут в чужие руки), наслаждается жизнью. Гарри как-то не верилось, что дементоры долго протянули бы под жарким солнцем; может, поэтому Сириус и отправился на юг? Его письма, надежно спрятанные под чрезвычайно удобной неприбитой половицей у Гарри под кроватью, были веселы, и в обоих он призывал обращаться к нему в случае необходимости. Что ж, вот она, необходимость…

Свет настольной лампы как будто потускнел – наступил холодно-серый предрассветный час. Затем, позолотив стены, взошло солнце, из спальни дяди Вернона и тети Петунии послышались первые шорохи, а Гарри сбросил со стола скомканные листы пергамента и перечитал законченное письмо:

Дорогой Сириус!

Спасибо за письмо, эта птица была такая громадная, что с трудом пролезла в окно.

У нас тут все как обычно. С диетой у Дудли не очень. Тетя обнаружила, что он таскает к себе в комнату пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные деньги, если так будет продолжаться, он разозлился и выкинул в окно

«Плейстейшн», такой как бы компьютер с игрушками. Но это Дудли сильно сглупил, теперь он даже не может поиграть в свой любимый «Мегамордобой-3», и ему не на что отвлечься.

У меня, спасибо тебе, все хорошо: Дурслеи боятся, как бы ты не объявился и не превратил их по моей просьбе в летучих мышей.

Вот только ночью случилась странная вещь. У меня опять разболелся шрам. Последний раз это было, когда Вольдеморт проник в «Хогварц». Но вряд ли же он где-то рядом, правда? Ты не слышал, может, шрамы от проклятий и много лет спустя болят?

Я пошлю это письмо с Хедвигой, когда она вернется, она сейчас улетела поохотиться. Передавай от меня привет Конькуру.

Гарри

Да, подумал Гарри, вроде нормально. Не стоит описывать сон, а то получится, как будто он слишком испугался. Он скатал пергамент и отложил в сторону, чтобы сразу отдать Хедвиге, как только она прилетит. Потом встал, потянулся, снова открыл шкаф. И, не глядя в зеркало, стал одеваться к завтраку.

Глава третья

Приглашение

В кухне Дурслеи уже собрались за столом. Когда Гарри вошел, а затем сел, на него не обратили внимания. Громадное красное лицо дяди Вернона скрывалось за утренней «Дейли мейл». Тетя Петуния, поджав губы – лошадиных зубов не видно, – делила грейпфрут на четыре части.

Дудли злился и дулся. Казалось, он занимает гораздо больше места, чем обычно, – а это кое-что, да значило, поскольку обычно он занимал одну сторону большого квадратного стола от угла до угла. С боязливым: «Вот, нашему Дюдюшечке» тетя Петуния положила ему на тарелку четвертинку грейпфрута

без сахара. Дудли гневно воззрился на нее. С тех пор как он привез из школы свой табель, жизнь обходилась с ним чересчур сурово.

Нет, плохим оценкам дядя Вернон и тетя Петуния, как всегда, нашли оправдание; тетя Петуния считала, что Дудли очень одаренный мальчик и учителя просто не способны его понять, а дядя Вернон твердил, что ему вообще не нужен в доме зубрила и маменькин сынок. Они также умудрились деликатно обойти обвинения в хулиганстве и жестокости. «Дудли, конечно, активный ребенок, но он и мухи не обидит!» – сквозь слезы заявила тетя Петуния.

Однако в конце табеля рукой школьной медсестры в очень тактичных выражениях было приписано такое, против чего ни дядя, ни тетя возразить не могли. Сколько бы ни причитала тетя Петуния, что у ее сына крупная кость, что его вес – это детский жирок и что растущему организму требуется хорошее питание, факт оставался фактом: на школьном складе не было бриджей такого размера. Школьная медсестра обратила внимание на то, чего глаза тети Петунии – так зорко замечавшие отпечатки пальцев на сверкающих чистотой стенах и приходы-уходы соседей – попросту не желали видеть: Дудли не только не нуждался в дополнительном питании, но давно уже приобрел габариты молодого кита-убийцы.

Итак, после многочисленных скандалов и споров, сотрясавших пол комнаты Гарри, после обильных потоков слез, пролитых тетей Петунией, в доме ввели новый режим. Листок с диетой, рекомендованной школьной медсестрой «Смылтингса», прикрепили к дверце холодильника, а сам холодильник полностью очистили от всего, что так любил Дудли, – от газировки и пирожных, шоколадок и бургеров – и наполнили овощами, фруктами, одним словом, тем, что дядя Вернон называл «силосом». А чтобы Дудли было не так обидно, тетя Петуния решила: пусть диеты придерживается вся семья. Сейчас тетя передала Гарри четвертинку грейпфрута – гораздо меньше, чем четвертинка Дудли. Видимо, тетя Петуния считала, что для поддержания у сына боевого духа нужно, чтобы он, по крайней мере, получал больше еды, чем Гарри.

Но тетя Петуния не знала, что припрятано у Гарри наверху под половицей. Она понятия не имела, что Гарри вовсе не придерживается диеты. Едва почуяв, что ему предстоит пережить лето на сырой морковке, он разослал друзьям письма с мольбой о помощи, и те проявили редкостную отзывчивость. От Гермионы Хедвига вернулась с огромной коробкой не содержащих сахара батончиков (родители Гермионы были зубными врачами). Огрид, лесник «Хогварца»,

откликнулся целым мешком печенья собственного изготовления (к печенью Гарри не прикоснулся: ему слишком хорошо были известны кулинарные способности Огрида). Миссис Уизли прислала Эррола, семейного филина, с громадным кексом и многочисленными пирожными. Бедняга Эррол, который был очень стар и слаб, целых пять дней приходил в себя после трудного путешествия. Потом на день рождения (который Дурслеи полностью проигнорировали) Гарри получил четыре великолепных именинных пирога, по одному от Рона, Гермионы, Огрида и Сириуса. Два у него еще осталось, и поэтому, предвкушая настоящий завтрак у себя в комнате, Гарри послушно приступил к грейпфруту.

Неодобрительно фыркнув, дядя Вернон отложил газету и посмотрел в собственную тарелку.

– И это все? – ворчливо обратился он к тете Петунии.

Тетя Петуния метнула на него свирепый взгляд и выразительно указала подбородком на Дудли. Тот, покончив со своим грейпфрутом, поросячьими глазками кисло косился в тарелку Гарри.

Дядя Вернон издал глубокий вздох, отчего зашевелились его густые кустистые усы, и взялся за ложку.

Раздался звонок в дверь. Дядя Вернон тяжело поднялся и направился в прихожую. С быстротой молнии, пока мать возилась с чайником, Дудли украл у отца грейпфрут.

Гарри услышал разговор в прихожей, чей-то смех и резкий ответ дяди. Затем дверь захлопнулась, и донесся звук разрываемой бумаги.

Тетя Петуния поставила чайник на стол и с любопытством обернулась. Ей не пришлось долго ждать, чтобы узнать, чем это занят ее муж; не прошло и минуты, как он вернулся. Вид у него был разъяренный.

– Ты! – рявкнул он Гарри. – В гостиную. Быстро!

Изумленный, гадая, в чем же таком опять провинился, Гарри встал и проследовал за дядей в соседнюю комнату. Дядя Вернон с грохотом захлопнул дверь.

– Ну. – Он протопал к камину и повернулся к Гарри, будто собираясь объявить, что тот арестован. – Ну.

Гарри ужасно хотелось ответить: «Баранки гну», но вряд ли стоило так сурово испытывать дядино терпение с утра пораньше; дядя и без того на пределе из-за недокорма. Поэтому Гарри ограничился невинно-удивленной гримасой.

– Вот что сейчас принесли, – дядя Вернон помахал листком лиловой почтовой бумаги. – Письмо. Про тебя.

Гарри совсем растерялся. Кто бы из его знакомых стал писать про него дяде Вернону? И вдобавок посылать письма по почте?

Дядя Вернон некоторое время прожигал Гар ри глазами, а затем уставился на письмо и зачитал вслух:

Уважаемые мистер и миссис Дурслей!

Мы с вами друг другу не представлены, но я не сомневаюсь, что вы много слышали от Гарри о моем сыне Роне.

Возможно, Гарри говорил вам, что в следующий понедельник вечером состоится финальная игра чемпионата мира по квидишу. Моему мужу Артуру благодаря связям в департаменте по колдовским играм и спорту удалось достать билеты на лучшие места.

Я очень надеюсь, что вы позволите нам взять с собой Гарри на матч, поскольку такая возможность выпадает буквально раз в жизни, игры на кубок не проводились в Англии вот уже тридцать лет и достать билеты практически невозможно. Мы, разумеется, будем счастливы, если Гарри погостит у нас до конца каникул, и проводим его на поезд в школу.

Будем признательны, если Гарри пришлет ответ как можно скорее нормальным способом, нам не доставляют мугловую почту, и я не уверена, что почтальон вообще знает, как нас найти.

Ждем Гарри с нетерпением.

Искренне Ваша,

Молли Уизли

P.S. Надеюсь, я наклеила достаточно марок.

Дядя Вернон дочитал, сунул руку в нагрудный карман и вытащил оттуда кое-что еще.

– Взгляни, – пробурчал он.

Он протянул конверт, в котором прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри с трудом удержался от хохота. Конверт был усеян марками сплошь, за исключением одного квадратного дюйма на лицевой стороне, куда миссис Уизли микроскопическим почерком вписала адрес Дурслеев.

– То есть марок она наклеила достаточно, – сказал Гарри таким тоном, будто подобную ошибку мог совершить всякий.

Дядя сверкнул глазами.

– Почтальон обратил внимание, – процедил он сквозь зубы. – И очень интересовался, откуда могло прийти такое письмо. Потому он и позвонил в дверь. Он, видите ли, подумал, что это забавно.

Гарри промолчал. Кому другому, возможно, показалось бы странным, что дядя Вернон поднимает такой шум из-за чрезмерного количества марок, но Гарри жил с Дурслеями давно и знал, что их ужасает все, хоть на йоту выходящее за рамки обыкновенного. А больше всего на свете они боялись, как бы кто не пронюхал, что они имеют отношение (пусть и очень отдаленное) к миссис Уизли и ей

подобным.

Дядя Вернон сверлил племянника глазами, а Гарри старался сохранять нейтральное выражение. Если сейчас повести себя правильно и не сглупить, его ждет настоящий подарок, мечта всей жизни! Он подождал, пока дядя Вернон что-нибудь скажет, но тот только стоял и таращился. Гарри решился нарушить молчание.

– Так что… мне можно поехать? – спросил он.

Еле заметный спазм исказил большое багровое лицо. Усы ощетинились. Гарри точно знал, что происходит за этими усами: отчаянное сражение, конфликт между двумя главными инстинктами дяди Вернона. Разрешить поехать – значит, доставить Гарри удовольствие, а против этого дядя боролся целых тринадцать лет. С другой стороны, разрешить Гарри уехать к Уизли на весь остаток каникул – значит, избавиться от него на две недели раньше, чем предполагалось, а дядя ненавидел, когда Гарри дома. Он снова посмотрел на письмо миссис Уизли – видимо, тянул время и размышлял.

– Кто она? – спросил он, с отвращением взирая на подпись.

– Вы ее видели, – объяснил Гарри. – Мама Рона, моего друга, она встречала его с «Хог…». Со школьного поезда.

Он чуть не сказал «Хогварц-экспресс», а это был верный способ разозлить дядю. Под крышей дома Дурслеев запрещалось упоминать название школы, где учится Гарри.

Дядя Вернон сморщился, будто вспомнил нечто ужасно противное.

– Такая толстуха? – выдавил он после долгого раздумья. – С рыжим выводком?

Гарри нахмурился. Со стороны дяди Вернона, пожалуй, немного слишком называть кого-то толстухой, когда его собственный сын Дудли наконец достиг того, к чему шел с трехлетнего возраста, и таки сделался поперек себя шире.

Дядя Вернон продолжал изучать письмо.

– Квидиш, – пробормотал он себе под нос. – Квидиш… что еще за ерунда?

Гарри снова кольнуло раздражение.

– Это спортивная игра, – коротко ответил он. – В нее играют на мет…

– Тихо, тихо! – замахал руками дядя Вернон. Гарри с известным удовлетворением отметил, что дядя запаниковал – видно, не мог перенести упоминания о метлах в своей собственной гостиной. Пытаясь уйти от реальности, он вновь перечитал письмо. Гарри смотрел, как его губы беззвучно произносят слова: «пришлет ответ как можно скорее нормальным способом». Дядя скривился.

– Что она хочет сказать, «нормальным способом»? – рявкнул он.

– Нормальным для нас, – сказал Гарри и, не успел дядя его остановить, добавил: – Ну, знаете, совиной почтой. Как обычно у колдунов.

Дядя Вернон вознегодовал так, словно Гарри произнес самое грязное на свете ругательство. Содрогаясь от ярости, он затравленно стрельнул глазами в окно, будто ожидая увидеть прижатые к стеклу уши соседей.

– Сколько раз тебе говорить? Не поминай ваши штучки в моем доме! – зашипел он. Его лицо приобрело оттенок спелой сливы. – Стоишь тут в одежде, которую тебе дали мы с Петунией…

– Когда Дудли проносил ее до дыр, – холодно бросил Гарри. И в самом деле свитер на нем был огромный – чтобы освободить руки, пришлось закатывать рукава пять раз, и свисал он до колен невероятно мешковатых джинсов.

– Я не позволю тебе разговаривать со мной таким тоном! – заявил дядя Вернон, дрожа от гнева.

Но Гарри не собирался все это безропотно сносить. Прошли времена, когда он подчинялся идиотским правилам Дурслеев. Он не сидит с Дудли на диете и не позволит лишить себя удовольствия побывать на финале кубка. По крайней мере, сделает все, что в его силах.

Чтобы успокоиться, Гарри глубоко вдохнул, а затем сказал:

– Значит, мне нельзя поехать на чемпионат? Ладно. Можно тогда я пойду? Мне нужно закончить письмо Сириусу. Ну, знаете – моему крестному.

В точку! Ему удалось произнести волшебное слово. Багрянец стал пятнами сходить с дядиного лица, и оно сделалось похоже на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

– А вы… переписываетесь? – псевдоспокойным тоном спросил дядя Вернон. Но Гарри видел, как зрачки маленьких глазок от страха съежились.

– А?.. Ага, – небрежно обронил Гарри. – Я уже, кажется, давно ему не писал. Еще подумает, будто случилось что, если не объявлюсь.

И умолк, наслаждаясь произведенным эффектом. Он почти что видел, как под густыми и темными, расчесанными на ровный пробор дядиными волосами заворочались шестеренки. Если запретить Гарри писать Сириусу, тот может заподозрить, что с крестником плохо обращаются. Если запретить Гарри поехать на матч, он пожалуется Сириусу, и тот узнает наверняка, что с крестником обращаются плохо. То есть оставалось одно. Гарри наблюдал, как в дядиной голове формируется решение, – словно большое усатое лицо было прозрачным. Гарри старался не улыбаться и смотреть пусто. Наконец…

– Ладно. Езжай на этот свой идиотский… этот дурацкий… на кубок этот твой. Только напиши своим… как их… Уизли, что ли, пусть сами тебя забирают. У меня нет времени возить тебя по всей стране. И можешь остаться у них до конца лета. Да, и напиши своему… крестному, скажи… скажи, что едешь на матч.

– Вот и хорошо, – радостно ответил Гарри.

И направился к двери, еле сдерживая желание подпрыгнуть и заорать от восторга. Он едет!.. Едет к Уизли и увидит финал!

В прихожей он чуть не столкнулся с Дудли – тот ошивался под дверью в надежде подслушать, как ругают Гарри. Довольная улыбка Гарри его явно потрясла.

– Завтрак был замечательный, правда? – невинно сказал Гарри. – Я прямо объелся – а ты?

Дудли оторопел, а Гарри расхохотался и, прыгая через две ступеньки, взлетел наверх и скрылся в своей комнате.

Первым делом он увидел, что Хедвига вернулась. Она сидела в клетке, смотрела на Гарри огромными янтарными глазами и щелкала клювом, давая понять, что недовольна. Кем, стало ясно почти мгновенно.

– ОЙ! – вскрикнул Гарри.

Ему в висок врезался маленький, серый и пернатый теннисный мячик. Гарри возмущенно потер голову, недоуменно поднял глаза и увидел крошечного совенка, такого маленького, что легко поместится на ладони. Совенок с жужжанием носился по комнате, как запущенная петарда. Тут Гарри заметил, что совенок бросил к его ногам письмо. Он наклонился, узнал почерк Рона и вскрыл конверт. Внутри лежала наспех нацарапанная записка.

Гарри! ПАПА ДОСТАЛ БИЛЕТЫ!!! Матч Ирландия – Болгария, в понедельник вечером. Мама написала муглам, чтобы они разрешили тебе приехать к нам. Может, они уже получили письмо, не знаю, сколько идет мугловая почта. На всякий случай решил послать тебе со Свином записку.

На слове «Свин» Гарри вытаращил глаза, а затем посмотрел на крошечную птичку – та сосредоточенно наворачивала круги вокруг люстры. Никогда он не видел ничего менее похожего на свинью. Может, не разобрал почерк? Он продолжил читать:

Мы тебя заберем в любом случае, нравится это муглам или нет, не пропускать же тебе кубок, только мама с папой сказали, что для приличия надо сначала спросить. Если муглы скажут «да», срочно посылай Свина обратно с ответом, и мы заберем тебя в пять часов в воскресенье. Если скажут «нет», срочно посылай Свина с ответом, и мы все равно заберем тебя в пять часов в воскресенье.

Гермиона явится сегодня после обеда. Перси пошел работать – в департамент международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, ни слова про заграницу, а то он занудит тебя так, что от скуки штаны сползут.

Увидимся!

Рон

– Да угомонись ты! – прикрикнул Гарри. Совенок трепыхал крылышками у него над головой и отчаянно клекотал от (только и мог предположить Гарри) гордости: он сумел не просто доставить письмо, но к тому же по назначению. – Иди сюда, понесешь обратно ответ!

Совенок плюхнулся на клетку Хедвиги. Та смерила его ледяным взором – мол, только посмей приблизиться.

Гарри схватил орлиное перо, чистый лист пергамента и написал:

Рон, все в порядке, муглы разрешили. Увидимся завтра в пять. Я не доживу!

Гарри

Он скатал записку в комочек и привязал его к крошечной лапке – с превеликим трудом, потому что совенок подпрыгивал на месте от нетерпения. Как только записку приладили, совенок взмыл в воздух. С бешеной скоростью он вылетел в окно и был таков.

Гарри повернулся к Хедвиге:

– Как насчет долгого путешествия?

Хедвига с достоинством ухнула.

– Отнесешь это Сириусу? – попросил Гарри, взяв письмо. – Подожди… я только закончу.

Он развернул пергамент и торопливо добавил постскриптум:

P.S. Если захочешь со мной связаться, я буду у Рона Уизли до конца лета. Его папа достал билеты на финал квидишного кубка!

Закончив письмо, он привязал его к лапке Хедвиги; та держалась на удивление чинно, будто желала показать, как должна себя вести настоящая почтовая сова.

– Возвращайся к Рону, я буду у него. Хорошо? – сказал Гарри.

Она любовно ущипнула его за палец, а затем с мягким шелестом расправила огромные крылья и бесшумно вылетела в окно.

Гарри проводил ее взглядом, а потом заполз под кровать, отодвинул половицу и достал большой кусок именинного пирога. Он ел, сидя на полу, и его переполняло небывалое счастье. Он ест пирог, а Дудли – паршивый грейпфрут; сегодня солнечный летний день, завтра Гарри отсюда уедет, шрам больше не болит, и скоро квидишный финал. Сейчас почти невозможно было нервничать – даже из-за Лорда Вольдеморта.

Глава четвертая

Возвращение в «Гнездо»

К двенадцати часам следующего дня Гарри сложил в сундук школьные принадлежности, а также самые драгоценные свои сокровища – унаследованный от отца плащ-невидимку, подаренную Сириусом метлу и волшебную карту «Хогварца», полученную в прошлом году от Фреда с Джорджем. Он выгреб еду из тайного хранилища под половицей, дважды перепроверил все закутки на предмет забытых учебников и перьев, а затем снял со стены самодельный календарик, на котором вычеркивал дни, оставшиеся до первого сентября.

Атмосфера в доме № 4 по Бирючинной улице накалилась до предела. Неизбежное появление в доме колдовской делегации пугало и злило Дурслеев.

Когда Гарри известил дядю Вернона, что Уизли будут уже завтра в пять вечера, тот встревожился до крайности.

– Надеюсь, ты сказал, чтоб они оделись нормально, эти типы, – сразу же зарычал он. – Знаю я, что вы на себя напяливаете. В общем, пусть оденутся по-человечески – им же лучше. Вот так.

Гарри охватило нехорошее предчувствие. Ему не доводилось видеть родителей Рона в чем-нибудь, с точки зрения Дурслеев, человеческом. Дети их, может, в каникулы и надевали мугловую одежду, но мистер и миссис Уизли обычно носили длинные колдовские мантии, к тому же потрепанные. Гарри мало беспокоило мнение соседей, но он опасался за своих родственников – вдруг они нахамят Уизли, если те явятся в дом этакими типичными колдунами.

Сам дядя Вернон надел лучший костюм. Не из гостеприимства, нет; Гарри точно знал, что дядя просто хочет выглядеть грозно и внушительно. Дудли, наоборот, весь съежился. Не потому, что диета наконец-то подействовала, а от страха. Первое же столкновение со взрослым колдуном закончилось для Дудли плачевно: тогда из прорехи в штанах у него высовывался поросячий хвостик, и родители заплатили немалые деньги за его удаление в частной лондонской клинике. Вовсе не удивительно, что сейчас Дудли то и дело нервно оглаживал сзади брюки и по комнатам передвигался бочком, чтобы ненароком не подставить неприятелю ту же мишень.

За обедом все молчали. Дудли даже не возмущался из-за меню (творога с тертым сельдереем). Тетя Петуния вообще ничего не ела. Она сидела, обхватив себя руками и поджав губы, и, кажется, прикусывала язык, сдерживая обвинения, которые ей так хотелось бросить Гарри в лицо.

– Они, конечно, приедут на машине? – гавкнул дядя Вернон через стол.

– Ммм, – сказал Гарри.

Об этом он почему-то не думал. Действительно, как Уизли будут его забирать? Машины у них больше нет: старенький «форд-Англия» давно одичал и бегает теперь где-то в Запретном лесу вокруг «Хогварца». Правда, в том году мистер Уизли одолжил машину в министерстве – может, и в этом тоже?

– Наверно, – решил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. В обычных условиях он непременно спросил бы, какая у мистера Уизли машина; как правило, он судил о людях по размерам и стоимости их автомобилей. Впрочем, сомнительно, чтобы он проникся уважением к мистеру Уизли, даже если бы тот приехал на «феррари».

Всю вторую половину дня Гарри провел у себя в комнате; он не мог больше смотреть на тетю Петунию, которая каждые пять секунд тревожно поглядывала в окно сквозь тюлевую занавеску, словно по радио предупредили, что из зоопарка сбежал носорог. В гостиную Гарри спустился без четверти пять.

Тетя Петуния конвульсивно расправляла диванные подушки. Дядя Вернон изображал, будто читает газету, но его крохотные глазки не двигались. Гарри готов был поклясться, что дядя изо всех сил прислушивается, не едет ли машина. Дудли забился в кресло, запихнул под себя мясистые руки и крепко обхватил объект предполагаемого нападения. Напряжение стало невыносимо; Гарри вышел и уселся на лестнице, уставившись на часы. Сердце от волнения бешено билось в груди.

Но стрелка подошла к пяти часам и двинулась дальше. Дядя Вернон, потея в костюме, отворил парадную дверь, высунулся, воровато оглядел улицу и поспешно втянул голову обратно.

– Они опаздывают! – упрекнул он Гарри.

– Да, – ответил Гарри. – Наверно… э-э-э… пробки…

Десять минут шестого… четверть шестого… Гарри и сам уже забеспокоился. В половине шестого он услышал из гостиной приглушенное нервическое бормотание:

– Никакого такта.

– А вдруг у нас назначена встреча!

– Может, думают, если явиться попозже, их пригласят к ужину?

– Ну вот это уж дудки, – заявил дядя Вернон. Гарри услышал, как он встал и начал мерить шагами комнату. – Возьмут мальчишку и пускай убираются, нечего им тут ошиваться. Если, конечно, они вообще приедут. День, что ли, перепутали? Я так скажу, эти граждане пунктуальность не ценят. Или ездят на консервной банке, которая, конечно, сломалась по доро… А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Гарри вскочил. Судя по звукам в гостиной, все трое Дурслеев в панике бегали по комнате. Спустя мгновение оттуда в совершеннейшем ужасе вылетел Дудли.

– В чем дело? – спросил Гарри. – Что случилось?

Но Дудли был не в состоянии говорить. Хватаясь за ягодицы, он укатился в кухню, торопясь изо всех сил. Гарри поспешил в гостиную.

В заложенном кирпичами настоящем камине, у которого стоял включенный в розетку камин электрический, что-то громко стучало и царапалось.

– Что там? – хрипло выдохнула тетя Петуния. Она прижалась спиной к дальней стене и в ужасе смотрела на камин. – Что это такое, Вернон?

Она оставалась в неведении совсем недолго. Из-за стены послышались голоса.

– Ой! Фред, нет… назад, назад, тут какая-то ошибка… скажи Джорджу, чтобы он не… Ой!.. Джордж, нет, здесь нет места, быстро назад, скажи Рону…

– Пап, может, Гарри нас услышит… Может, он нас выпустит?..

По стене забарабанили кулаки.

– Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дурслеи напустились на Гарри как две разъяренные росомахи.

– Что это за номера? – взревел дядя Вернон. – Что там происходит?

– Они… они хотели прилететь на кружаной муке. – Гарри невероятным усилием сдерживал истерический хохот. – Они могут путешествовать в огне – только у вас камин заложен – погодите…

Он подошел к камину и закричал в стену:

– Мистер Уизли! Вы меня слышите?

За стеной прекратили барабанить, и кто-то произнес: «Ш-ш-ш!»

– Мистер Уизли, это я, Гарри… Здесь камин кирпичами заложен. Вы не пройдете.

– Проклятье! – сказал голос мистера Уизли. – Какого лешего камин-то перекрывать?

– У них электрический, – объяснил Гарри.

– Правда? – восхитился голос мистера Уизли. – Эклектический? Со штепселем? Мать честная, я должен это увидеть… дайте-ка подумать… Ой! Рон!

Голос Рона присоединился к остальным:

– Вы чего тут? Что-нибудь не так?

– Конечно нет, Рон! – раздался голос Фреда, очень саркастичный. – Все так, именно об этом мы всю жизнь и мечтали.

– Ага, мы тут кайф ловим, – поддержал Джордж, судя по сдавленному голосу, припечатанный к стене.

– Мальчики, мальчики… – рассеянно укорил мистер Уизли. – Я думаю, что нам… да… больше ничего не остается… Гарри, в сторонку.

Гарри отошел к дивану. Дядя Вернон, наоборот, приблизился к стене.

– Постойте! – закричал он в камин. – Что вы собираетесь де?..

БАМ!

Электрический камин полетел через всю комнату – стена за ним развалилась, выпустив облака пыли и щебенки вместе с мистером Уизли, Фредом, Джорджем и Роном. Тетя Петуния завизжала, попятилась, споткнулась о кофейный столик и стала валиться навзничь; дядя Вернон едва успел ее поймать и, разинув рот, безмолвно уставился на Уизли. Те, все до единого, были рыжие, а Фред с Джорджем вообще идентичны до последней веснушки.

– Так-то лучше, – тяжело выдохнул мистер Уизли, отряхивая от пыли длинную зеленую мантию и поправляя очки. – А! Вы, должно быть, дядя и тетя Гарри?

Высокий, худой, лысеющий, он двинулся к дяде Вернону, протягивая руку, но тот отступил на несколько шагов назад, волоча и жену. Дядя попросту лишился дара речи. Известка запорошила его лучший костюм, усы и волосы, и он словно постарел на тридцать лет.

– Э-э-э… мда… Приношу извинения, – мистер Уизли опустил руку и через плечо оглянулся на взорванную стену. – Это я виноват, мне и в голову не пришло, что мы не сможем здесь выйти. Видите ли, я подсоединил ваш камин к кружаной сети – только на сегодня, понимаете, чтобы забрать Гарри. Строго говоря, мугловые камины подсоединять запрещено, но у меня есть один весьма нужный человечек в кружаной диспетчерской, так он по моей просьбе устроил… Вы не волнуйтесь, я моментально все исправлю. Я только зажгу огонь, отправлю мальчиков, починю ваш камин, а уж после дезаппарирую.

Гарри готов был поставить любую сумму на то, что Дурслеи не поняли ни слова. Будто громом пораженные, они пялились на мистера Уизли. Пошатываясь, тетя Петуния выпрямилась и спряталась за дядю Вернона.

– Привет, Гарри! – радостно поздоровался мистер Уизли. – Сундук собрал?

– Он наверху, – улыбнулся в ответ Гарри.

– Мы притащим, – тут же заявил Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем выбежали из комнаты. Они уже знали, где его спальня, потому что однажды спасали его оттуда во мраке ночи. Гарри подозревал, что близнецы

рассчитывают хоть одним глазком взглянуть на Дудли; они много о нем слышали.

– Что ж, – мистер Уизли слегка развел руками, подыскивая слова, чтобы прервать очень неприятное молчание. – У вас тут очень… э-э-э… уютно…

Поскольку в настоящий момент обычно безупречная комната была покрыта пылью и усеяна обломками кирпичей, его замечание не нашло у Дурслеев теплого отклика. Дядя Вернон побагровел, а тетя Петуния снова прикусила язык. Однако они были слишком напуганы и не посмели заговорить.

Мистер Уизли озирался. Он обожал все, что имело отношение к муглам. Чувствовалось: у него руки чешутся исследовать телевизор и видеомагнитофон.

– Работают на эклектричестве? – сказал он со знанием дела. – Да-да, вот штепсели. Знаете, я собираю штепсели, – добавил он, обращаясь к дяде Вернону. – И батарейки. У меня огромная коллекция батареек. Жена считает меня сумасшедшим, и тем не менее…

Дядя Вернон, совершенно очевидно, тоже считал его сумасшедшим. Он незаметно подвинулся вправо и загородил тетю Петунию, видимо опасаясь, что мистер Уизли может наброситься в любую минуту.

В комнате снова появился Дудли. Гарри услышал громыхание своего сундука по лестнице и понял, что эти страшные звуки выгнали двоюродного брата из кухни. Не сводя перепуганных глаз с мистера Уизли, Дудли по стеночке пробрался к родителям и попытался спрятаться у них за спинами. Туша дяди Вернона легко прикрывала тетю Петунию, но, к несчастью, не могла спрятать сына.

– А-а, это же твой кузен, Гарри? – заговорил мистер Уизли, опять храбро пытаясь завязать вежливую беседу.

– Угу, – кивнул Гарри, – это Дудли.

Они с Роном посмотрели друг на друга, но срочно отвели глаза; их так и разбирал смех. Дудли держался за задницу, будто боялся, что она вот-вот отвалится. Мистера Уизли такое странное поведение всерьез обеспокоило. Когда

он снова заговорил, по его тону стало понятно, что он считает Дудли таким же ненормальным, каким Дурслеи считают его самого, только мистер Уизли испытывал скорее жалость, нежели страх.

– Хорошо проводишь каникулы, Дудли? – ласково спросил он.

Дудли взвизгнул. Гарри увидел, как пальцы кузена еще сильнее впились в массивные ягодицы.

Вернулись близнецы с сундуком, осмотрелись. При виде Дудли их лица озарились одинаковыми улыбками, не предвещавшими ничего хорошего.

– А-а, отлично, – сказал мистер Уизли. – Что ж, пожалуй, пора.

Он засучил рукава мантии и вытащил волшебную палочку. Дурслеи как один вжались в стену.

– Инцендио! – произнес мистер Уизли, направив палочку на пролом в стене.

В камине мгновенно вспыхнуло яркое пламя, бодро потрескивая, словно горело уже много часов. Мистер Уизли достал из кармана мешочек на завязках, извлек оттуда щепотку муки и бросил в огонь. Пламя сделалось изумрудно-зеленым и высоко взметнулось.

– Отправляйся, Фред, – велел мистер Уизли.

– Иду, – отозвался Фред. – Ой, нет… подожди…

У него из кармана выпал пакет со сладостями. Содержимое раскатилось во все стороны – большие толстые помадки в ярких фантиках.

Фред пошарил по полу, рассовал конфеты по карманам, потом весело помахал Дудли и шагнул в огонь с криком: «Гнездо!» Тетя Петуния тихонько охнула и содрогнулась. Раздался шелестящий свист, и Фред исчез.

– Теперь ты, Джордж, – распорядился мистер Уизли, – с сундуком.

Гарри помог Джорджу донести сундук до камина и перевернуть на попа, чтобы удобнее было держать. Снова крик: «Гнездо!», снова шелестящий свист, и Джордж тоже улетучился.

– Рон, ты следующий, – велел мистер Уизли.

– До свидания, – с воодушевлением сказал Рон Дурслеям. Широко улыбнулся Гарри, вошел в огонь и с криком «Гнездо!» исчез.

Остались только Гарри и мистер Уизли.

– Что ж… тогда до свидания, – обратился к Дурслеям Гарри.

Те не ответили. Гарри направился к огню, но едва ступил на край камина, мистер Уизли придержал его за плечо. Он взирал на Дурслеев с нескрываемым изумлением.

– Гарри с вами попрощался, – укоризненно произнес он. – Вы что, не слышали?

– Это не важно, – пробормотал ему Гарри, – мне все равно.

Но мистер Уизли руку не убрал.

– Вы же не увидите племянника до следующего лета, – с негодованием сказал он дяде Вернону. – Должны же вы попрощаться?

Лицо дяди Вернона мучительно исказилось. То, что его учит хорошим манерам негодяй, который пару минут назад раздолбал стену в его же доме, явно причиняло ему тяжкие страдания.

Но в руке у мистера Уизли была палочка, и дядя Вернон, бросив на нее осторожный взгляд, весьма неохотно выдавил:

– До свидания.

– До встречи! – Гарри занес ногу над зеленым пламенем, и его обдало приятным теплом.

Тут, однако, позади раздался ужасающий сдавленный кашель. Тетя Петуния закричала.

Гарри резко обернулся. Дудли уже не стоял за спиной у родителей. Он упал на колени у кофейного столика. Он давился, пытаясь выплюнуть какую-то странную багровую, скользкую штуку в добрый фут длиной. Спустя секунду полнейшего недоумения Гарри разглядел, что эта штука – язык Дудли, а на полу перед ним валяется яркий фантик.

Тетя Петуния бросилась на колени рядом с сыном, схватила распухший язык и предприняла героическую попытку выдернуть его изо рта; неудивительно, что Дудли завопил и начал давиться еще сильнее, отбиваясь от матери. Дядя Вернон громко завывал и размахивал руками, а мистер Уизли перекрикивал весь этот гвалт.

– Успокойтесь, я все исправлю! – орал он, надвигаясь на Дудли с вытянутой палочкой.

Тетя Петуния заверещала пуще прежнего и закрыла Дудли своим телом.

– Да что вы, в самом деле! – в отчаянии воскликнул мистер Уизли. – Это же ерунда – из-за конфеты – мой сын Фред – обожает розыгрыши, знаете ли, – но тут всего лишь дутое заклятие – по крайней мере, я так думаю – пожалуйста, успокойтесь, я все исправлю…

Это отнюдь не успокоило Дурслеев – наоборот, они вовсе ополоумели; тетя Петуния захлебывалась рыданиями и тянула Дудли за язык, очевидно задавшись целью непременно его оторвать; Дудли изнемогал под двойной тяжестью языка и матери, а дядя Вернон, абсолютно потеряв контроль над собой, схватил с буфета фарфоровую статуэтку и швырнул ею в мистера Уизли. Тот пригнулся, и фигурка разбилась во взломанном камине.

– Да что же это такое! – сердито вскричал мистер Уизли, потрясая палочкой. – Я же хочу помочь!

Взвыв, как раненый гиппопотам, дядя Вернон схватил другую фигурку.

– Гарри, уходи! Уходи! – прокричал мистер Уизли, направив палочку на дядю Вернона. – Я сам справлюсь!

Гарри ни за что не пропустил бы такую потеху, но вторая статуэтка чуть не вмазалась ему в левое ухо, и он решил, что лучше предоставить дело мистеру Уизли. Он шагнул в огонь и, обернувшись через плечо, произнес: «Гнездо!» Мельком он успел заметить, как мистер Уизли с помощью палочки вырывает из рук дяди Вернона третью статуэтку, тетя Петуния лежит поверх Дудли, а язык Дудли мотается по полу, как громадный скользкий питон. Но тут Гарри закрутило со страшной скоростью, и гостиная Дурслеев исчезла из виду в ревущем изумрудно-зеленом пламени.

Глава пятая

«Удивительные ультрафокусы Уизли»

Прижав локти к бокам, Гарри вращался все быстрее и быстрее. Мимо бешеной вереницей неслись смазанные пятна очагов. В конце концов Гарри затошнило, и он закрыл глаза. Почувствовав, что скорость снижается, он резко затормозил, выбросив вперед руки. И вовремя, а то бы впечатался носом в пол на кухне в доме Уизли.

– Он съел? – нетерпеливо спросил Фред, помогая Гарри подняться.

– Ага, – кивнул Гарри. – А что это было?

– Помадка «Пуд-Язык», – радостно сообщил Фред. – Мы с Джорджем их сами изобрели, все лето искали, на ком бы испытать…

Крохотная кухонька взорвалась хохотом. Гарри огляделся и увидел за выскобленным деревянным столом Рона, Джорджа и еще двух незнакомых рыжих людей. Впрочем, Гарри сразу догадался, кто это: Билл и Чарли, самые старшие братья Рона.

– Привет, Гарри, – сказал тот, что сидел ближе, улыбнулся и протянул большую ладонь. Гарри почувствовал под пальцами многочисленные мозоли. Судя по всему, это Чарли, тот, что работает с драконами в Румынии. Сложением он напоминал близнецов, ниже и плотнее Перси с Роном – те отличались высоким ростом и худощавостью. Чарли явно проводил много времени на открытом воздухе, его широкое, добродушное лицо было таким веснушчатым, что казалось загорелым, мускулы впечатляли – и на одной руке красовался огромный блестящий ожог.

Билл тоже с улыбкой поднялся из-за стола и протянул руку. Гарри он сильно удивил. Гарри знал, что Билл работает в колдовском банке «Гринготтс», а в школе был старшим старостой, поэтому всегда воображал Билла взрослым вариантом Перси: этаким правильным занудой и любителем всех поучить жизни. А на деле Билл оказался – никак иначе не назовешь – клевый. Высокий, длинные волосы завязаны в хвост. В ухе серьга, какой-то вроде бы звериный клык. Одежда была бы вполне уместна на рок-концерте, а ботинки, заметил Гарри, не из кожи, а из шкуры дракона.

Не успели они заговорить, раздался легчайший хлопок, и за плечом у Джорджа появился мистер Уизли. Гарри еще никогда не видел, чтоб он так злился.

– Это не смешно, Фред! – закричал он. – Что за дрянь ты подсунул бедному ребенку?

– Ничего я ему не подсовывал, – зловредно ухмыльнулся Фред. – Я просто уронил… Он сам виноват – кто его просил это есть? Я не просил.

– Ты уронил нарочно! – грозно взревел мистер Уизли. – Ты знал, что он съест, потому что он на диете…

– А какой у него стал язык? – не сдержал любопытства Джордж.

– До четырех футов дорос, пока его родители не позволили мне вмешаться!

Все мальчики Уизли вместе с Гарри заржали как ненормальные.

– Это не смешно! – снова завопил мистер Уизли. – Такое поведение серьезно подрывает мугло-колдовские отношения! Я всю жизнь боролся против плохого обращения с муглами, а теперь мои собственные дети…

– Мы же не потому, что он мугл! – возмутился Фред.

– А потому, что он наглый болван, – сказал Джордж. – Правда, Гарри?

– Точно, мистер Уизли, – честно подтвердил Гарри.

– Какая разница! – в гневе перебил тот. – Вот погодите, я все расскажу матери…

– Что ты мне расскажешь? – раздался голос у него за спиной.

В кухню вошла миссис Уизли. Она была невысокая полная женщина с очень добрым лицом – хотя сейчас глаза ее подозрительно сузились.

– Ой, здравствуй, Гарри, деточка, – поздоровалась она, заметив Гарри, и улыбнулась. Затем вперила взгляд в мужа: – Что ты мне расскажешь, Артур?

Мистер Уизли замялся. Было ясно, что, как бы он ни ярился на близнецов, выдавать их матери он не собирался. Возникла неловкая пауза; мистер Уизли испуганно смотрел на жену. Затем в дверях у нее за спиной появились две девочки. Одна из них, с невероятно пышными каштановыми волосами и довольно крупными передними зубами, была лучшая подруга Гарри и Рона, Гермиона Грейнджер. Вторая, маленькая и рыжеволосая, – младшая сестра Рона, Джинни. Обе улыбнулись Гарри, и он улыбнулся в ответ, отчего Джинни мгновенно зарделась – она прониклась к Гарри нежными чувствами еще с первого раза, когда он гостил в «Гнезде».

– Что ты мне расскажешь, Артур? – угрожающе повторила миссис Уизли.

– Пустяки, Молли, – промямлил мистер Уизли, – просто Фред с Джорджем… но я с ними уже побеседовал…

– Что еще они натворили? – осведомилась миссис Уизли. – Если опять какие-нибудь «Удивительные ультрафокусы Уизли»…

– Рон, покажи Гарри, где он будет спать? – предложила Гермиона с порога.

– Он прекрасно знает, где будет спать, – ответил Рон, – как обычно, в моей…

– Вот давайте все вместе и посмотрим, – очень подчеркнуто произнесла Гермиона.

– А, – сказал Рон. До него дошло. – Да.

– Ага, и мы тоже вместе посмотрим… – начал Джордж.

– Нет, вы как раз останетесь здесь! – рявкнула миссис Уизли.

Гарри и Рон бочком выбрались из кухни и вместе с Гермионой и Джинни отправились через узкую прихожую к скрипучей лестнице, зигзагами уходящей наверх.

– А что за удивительные ультрафокусы? – полюбопытствовал Гарри.

Рон с Джинни засмеялись, Гермиона – нет.

– Мама прибиралась у них в комнате и нашла целую пачку бланков, – тихонько объяснил Рон, – и еще длиннющие прейскуранты на всякие штуки, которые они сами сделали. Ну, всякие приколы, знаешь. Фальшивые волшебные палочки, сладости с сюрпризами и все такое. На самом деле очень здорово, я даже не знал, что они этим занимаются…

– У них в комнате постоянно что-то взрывалось, но мы и не думали, что это для дела, – вступила в разговор Джинни. – Мы думали, им просто нравится шуметь.

– Только, понимаешь, большая часть этих штук – ну то есть все – довольно опасные, – прибавил Рон, – а Фред с Джорджем, представляешь, собирались продавать их в «Хогварце» за деньги, и мама их чуть не убила. Запретила им, сожгла бланки… она же и без того злилась. Они ведь на С.О.В.У. сдали весьма так себе.

С.О.В.У. – это Совершенно Обычный Волшебный Уровень, аттестационный экзамен, который учащиеся «Хогварца» сдавали в пятнадцать лет.

– А после был жуткий скандал, – продолжила Джинни, – потому что мама хочет, чтоб они пошли работать в министерство, как папа, а им, оказывается, ничего, кроме хохмазина, не надо.

В это мгновение на площадке второго этажа отворилась дверь и оттуда высунулась очень раздраженная физиономия в роговых очках.

– Привет, Перси, – сказал Гарри.

– А, Гарри! Здравствуй, – ответил Перси, – а я-то думаю, кто это так топочет. Я, знаешь ли, работаю – нужно закончить отчет, но довольно трудно сосредоточиться, когда на лестнице вечный грохот.

– Мы не топочем, – огрызнулся Рон, – а ходим. Извини, если помешали твоей сверхсекретной министерской работе.

– А над чем ты работаешь? – спросил Гарри.

– Над отчетом для департамента международного магического сотрудничества, – с важностью поведал Перси. – Мы стандартизируем толщину котлов. А то импортные котлы чуточку тонковаты – количество протечек увеличилось за год почти на три процента!..

– Помяните мое слово, этот отчет спасет мир, – перебил Рон. – Представляете, взволнованная передовица в «Оракуле»: «Котлы текут», а дальше про нашего героя.

Перси слегка порозовел.

– Можешь издеваться, – взвился он, – но, если не принять международного закона, скоро наш рынок наводнит хлипкая тонкодонная продукция, и это серьезно увеличит риск…

– Да-да, конечно-конечно, – ответил Рон и зашагал дальше.

Перси шваркнул дверью. Гарри, Гермиона и Джинни вслед за Роном поднялись еще на три марша; с кухни неслись дикие вопли. Видимо, мистер Уизли раскололся и рассказал миссис Уизли про помадки.

Комнатка под крышей с прошлого раза почти не изменилась: на стенах и на косом потолке висели те же плакаты с любимой квидишной командой Рона, «Пуляющими пушками», и все игроки крутились в воздухе, приветственно размахивая руками; на подоконнике стоял все тот же аквариум – в позапрошлом году там сидели головастики, а сейчас – одна немыслимо жирная лягушка. Старой крысы Струпика больше не было, зато был крошечный серый совенок, который доставил письмо Рона на Бирючинную улицу. Совенок без устали прыгал вверх-вниз в маленькой клетке и безостановочно клекотал.

– Умолкни, Свин, – бросил Рон, пробираясь между двумя из четырех кроватей, втиснутых в комнату. – Фред с Джорджем тоже здесь спят, потому что у них в комнате Билл и Чарли, – пояснил он для Гарри. – Перси нужна отдельная, потому что он работает.

– А… почему ты совенка зовешь Свином? – спросил Гарри.

– Потому что Рон дурак, – заявила Джинни. – По-настоящему его зовут Свинринстель.

– Ага, и это очень умное имя, – саркастически отозвался Рон. – Его Джинни так назвала. – Он глянул на Гарри. – Это якобы очень мило. Я хотел поменять, но было поздно, ни на что другое он уже не откликался. Так что он Свин. Приходится держать его здесь, а то он бесит Эррола с Гермесом. И меня тоже, к слову сказать.

Довольный Свинринстель, пронзительно ухая, нарезал круги по клетке. Гарри слишком хорошо знал Рона, чтобы принимать его слова всерьез. Помнится, в свое время Рон постоянно ворчал из-за Струпика, но ужасно огорчился, когда решил, что крысу съел Гермионин кот Косолапсус.

– А Косолапсус где? – кстати поинтересовался Гарри у Гермионы.

– В саду, наверно, – ответила она. – Любит гоняться за гномами, он их раньше никогда не видел.

– Значит, Перси нравится работа? – спросил Гарри, сев на кровать и наблюдая, как «Пушки» шныряют туда-сюда на плакатах, то и дело вылетая за рамку.

– Нравится? – мрачно повторил Рон. – Он небось домой бы не приходил, если бы папа его не забирал. Совсем маньяк. Ты, главное, не заговаривай про его начальника… Как говорит мистер Сгорбс… как я сказал мистеру Сгорбсу… Мистер Сгорбс считает… Мистер Сгорбс мне рассказывал… Не удивлюсь, если они со дня на день объявят о помолвке.

– Как прошло лето, Гарри? – спросила Гермиона. – Посылки с едой дошли?

– Да, спасибо огромное, – сказал Гарри. – Ваши пироги спасли мне жизнь.

– А ты получал письма от… – начал было Рон, но умолк, заметив гримасу Гермионы. Ясно, что Рон собирался спросить о Сириусе. Рона с Гермионой едва ли не меньше Гарри волновало благополучие его крестного – все трое много сделали для его побега. Тем не менее обсуждать Сириуса при Джинни не стоило. Никто, кроме Гарри, Рона, Гермионы и профессора Думбльдора, не знал, как Сириусу удалось бежать, и не верил, что он невиновен.

– Кажется, они уже перестали ссориться, – произнесла Гермиона, чтобы заполнить неловкую паузу, а то Джинни уже с любопытством переводила взгляд с Гарри на Рона. – Пойдем, поможем вашей маме с ужином.

– Ага, давайте, – поддержал Рон.

Они вышли из комнаты, спустились и обнаружили на кухне миссис Уизли, одну и в чрезвычайно дурном расположении духа.

– Есть будем в саду, – объявила она. – Здесь для одиннадцати человек места нет. Девочки, можете отнести тарелки? Билл и Чарли уже ставят столы. А вы двое, ножи и вилки, пожалуйста, – велела она Рону и Гарри и ткнула волшебной палочкой в горку картофеля в раковине. Вышло чуть энергичнее, чем она собиралась, – картофелины так резво повыскакивали из кожуры, что

зарикошетили от потолка и стен. – Ой, ради всего святого, – рыкнула миссис Уизли, переводя палочку на совок, который спрыгнул со стены и поехал по полу, собирая картофелины. – Эта парочка! – свирепо выдохнула она, вышвыривая из шкафа кастрюли и сковородки, и Гарри догадался, что речь идет о близнецах. – Не знаю, что с ними дальше будет, прямо не знаю. Никакого честолюбия – разве только набедокурить лучше всех…

Она шваркнула большой медной кастрюлей о кухонный стол и яростно замахала внутри палочкой. Из кончика палочки заструился густой соус.

– Ладно, были бы какие-нибудь безмозглые, – ворчала она, ставя кастрюлю на плиту и тычком палочки зажигая под ней огонь, – правда, непонятно, зачем им мозги, все равно ведь не пользуются, и если завтра же за ум не возьмутся, пиши пропало. Про них я получила из «Хогварца» больше сов, чем про всех остальных, вместе взятых. Если и дальше так пойдет, их вызовут в отдел неправомочного использования колдовства!

Вновь ткнув палочкой, миссис Уизли выдвинула ящик с ножами и вилками. Гарри и Рон отскочили – из ящика вырвалось на свободу несколько ножей. Просвистев через кухню, они деловито набросились на картошку, которую совок только что ссыпал обратно в раковину.

– Не знаю, что мы сделали не так, – не унималась миссис Уизли. Отложив палочку, она полезла за другими кастрюлями. – И это всю жизнь, не одно, так другое, и они ничего не слушают… ЧТО?! ОПЯТЬ?!

Когда она взяла палочку со стола, та громко пискнула и превратилась в огромную резиновую мышь.

– Опять фальшивая!!! – вскричала миссис Уизли. – Сколько можно говорить, чтобы не оставляли валяться где попало!

Она схватила настоящую палочку, повернулась к плите и обнаружила, что соус уже дымится.

– Скорей, – выпалил Рон Гарри, хватая горсть ножей и вилок из открытого ящика, – пошли поможем Биллу и Чарли.

Мальчики покинули миссис Уизли и через заднюю дверь выбежали во двор.

Они не прошли и нескольких шагов, как из сада им навстречу на гнутых лапах вылетел кот Гермионы, рыжий Косолапсус, – бутылочный ершик хвоста трубой. Косолапсус гнался за какой-то грязной картошкой на ножках, в которой Гарри узнал гнома. Ростом гном не дотягивал и до десяти дюймов. Отчаянно топоча мозолистыми ножонками, он со страшной скоростью просвистел по двору и головой вперед нырнул в резиновый сапог – под дверью их валялись горы. Кот запустил лапу внутрь, стараясь выудить гнома, а тот заливался истерическим хохотом. За домом раздался сокрушительный треск. В саду мальчики сразу обнаружили источник шума – Билл с Чарли, выставив палочки, устроили в воздухе сражение двух старых столов: те сталкивались друг с другом, пытаясь свалить противника на землю. Фред с Джорджем отчаянно болели, Джинни хохотала, а Гермиона нервно подпрыгивала у живой изгороди, явно разрываясь между беспокойством и любопытством.

Стол Билла зацепился за стол Чарли и с треском оторвал у него ножку. Наверху громыхнуло. Все задрали головы и в окне второго этажа увидели голову Перси.

– Потише нельзя?! – заорал он.

– Извини, Персик, – виновато улыбнулся Билл. – Как там донышки?

– Отвратительно, – сварливо бросил Перси и захлопнул окно.

Хихикая, Билл с Чарли благополучно посадили свои боевые машины на траву впритык, а затем Билл мановением волшебной палочки починил ножку и соорудил скатерти.

К семи часам столы ломились от бесчисленных шедевров кулинарного искусства миссис Уизли, и все девять членов семейства вместе с Гарри и Гермионой сели насладиться пиршеством под ясным темно-синим небом. Для человека, который все лето питался день ото дня черствевшими пирогами, то был настоящий рай, и поначалу Гарри больше слушал, чем говорил, налегая на пирог с курицей и ветчиной, вареную картошку и салат.

В дальнем конце стола Перси рассказывал отцу про свой отчет.

– Я обещал мистеру Сгорбсу закончить ко вторнику, – важно вещал Перси. – Конечно, это немножко раньше, чем он просил, но я люблю во всем успевать. Думаю, он будет рад, что я все быстро сделал. В отделе сейчас запарка с приготовлениями к кубку мира. Надо сказать, мы не получаем необходимой поддержки от департамента по колдовским играм и спорту. Этот Людо Шульман…

– Мне нравится Людо, – мягко заметил мистер Уизли, – и это он достал нам такие хорошие билеты на финал. В свое время я тоже оказал ему услугу: его брат Отто попал в историю – газонокосилка с паранормальными функциями, – а мне удалось замять дело.

– Согласен, Шульман обаятельный, – отмахнулся Перси, – но как он умудрился стать главой департамента… Никакого сравнения с мистером Сгорбсом! Не представляю, чтобы мистер Сгорбс, если б у него в отделе пропал человек, сидел бы спокойно и даже не пытался выяснить, что случилось. Ты вообще понимаешь, что Берта Джоркинс вот уже больше месяца, как пропала? Поехала отдыхать в Албанию и не вернулась!

– Я спрашивал Людо, – нахмурился мистер Уизли, – он говорит, Берта пропадала сто раз… Впрочем, будь это мой сотрудник, я бы все равно забеспокоился…

– Да нет, Берта безнадежна, – сказал Перси. – Говорят, ее постоянно переводят из отдела в отдел, и от нее больше проблем, чем пользы… но все равно, Шульман должен хоть поискать. Вот мистер Сгорбс сильно встревожился – она ведь когда-то работала и у нас и, по-моему, мистер Сгорбс был ею очень доволен, – а Шульман только смеется. Говорит, Берта, скорее всего, перепутала и вместо Албании очутилась в Австралии. Однако, – Перси издал тяжелейший вздох и от души хлебнул бузиновки, – у нас в департаменте международного магического сотрудничества и так забот полон рот. Не хватало еще разыскивать пропавших сотрудников других департаментов. Сами понимаете, нам ведь сразу после кубка организовывать еще одно важное мероприятие.

Перси со значением прочистил горло и посмотрел на другой конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона:

– Ты знаешь, о чем я, папа. – И чуточку повысил голос: – Сверхсекретное мероприятие.

Рон закатил глаза и пробормотал тихонько:

– Он пытается заставить нас спросить, что за мероприятие, с тех пор как пошел на работу. Не иначе выставка толстодонных котлов.

В центре стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серьге – видимо, совсем недавнем приобретении.

– …с таким ужасным зубом! Ну честное слово, Билл! А что говорят у тебя в банке?

– Мам, в банке никому нет дела, как я одеваюсь, лишь бы денежки на счета капали, – терпеливо ответил Билл.

– И твои волосы… что-то уж чересчур, милый, – продолжала миссис Уизли, любовно водя пальцем по волшебной палочке. – Разрешил бы мне чуточку подровнять…

– А мне нравится, – заявила Джинни, сидевшая рядом с Биллом. – Ты такая старомодная, мама. И вообще, до профессора Думбльдора Биллу еще далеко…

Рядом с миссис Уизли сидели Фред, Джордж и Чарли. Они горячо обсуждали кубок мира.

– Возьмет Ирландия, – неразборчиво говорил Чарли, набив рот картошкой. – Они же просто размазали Перу в полуфинале.

– Зато у болгар Виктор Крум, – возразил Фред.

– Крум – один хороший игрок, а у ирландцев их семеро, – коротко ответил Чарли. – Жалко, что Англия не прошла. Позор, да и только.

– А что случилось? – горячо заинтересовался Гарри, отчаянно жалея, что на Бирючинной улице не получал колдовских новостей. Гарри обожал квидиш. Он сам с первого класса был Ловчим команды «Гриффиндора» и летал на «Всполохе», одной из лучших гоночных метел в мире.

– Проиграли Трансильвании, триста девяносто – десять, – мрачно объяснил Чарли. – Безобразно выступили. Уэльс проиграл Уганде, а Шотландия – Люксембургу.

В саду темнело. Перед сладким (домашним земляничным мороженым) мистер Уизли сотворил свечки, и, когда мороженое было съедено, над столом уже вовсю порхали мотыльки. В теплом воздухе пахло травами и жимолостью. Наевшийся до отвала, чрезвычайно довольный жизнью Гарри наблюдал, как в зарослях шиповника, отчаянно хохоча, гномы улепетывают от Косолапсуса.

Рон осторожно оглядел стол, убедился, что все остальные заняты разговором, и очень тихо спросил:

– Так что, ты получал письма от Сириуса?

Гермиона подняла голову и тоже насторожилась.

– Да, – еле слышно ответил Гарри, – два раза. У него все нормально. Я написал ему позавчера. Может, он даже ответит, пока я здесь.

Вдруг он вспомнил, почему написал Сириусу, и на долю секунды ему очень захотелось рассказать друзьям о том, что у него опять болел шрам, и о том, какой страшный сон ему приснился… однако неохота тревожить их сейчас, когда сам он так счастлив и спокоен.

– Времени-то сколько! – неожиданно всплеснула руками миссис Уизли, взглянув на наручные часы. – Всем срочно ложиться! Вам же вставать на рассвете, иначе не попадете на кубок. Гарри, если оставишь мне список, я тебе все куплю на Диагон-аллее. Я на всех буду завтра покупать. После кубка можете не успеть, в прошлый раз игра длилась пять дней.

– Ух ты! Надеюсь, и в этот раз тоже! – возликовал Гарри.

– А я не надеюсь, я содрогаюсь при мысли. – Незаменимый Перси в ужасе закатил глаза. – На что за пять дней станет похожа моя папка с входящими?

– Да уж, опять кто-нибудь подкинет кусок драконьего навоза – а, Перс? – подначил Фред.

– Это был образец удобрения из Норвегии! – выкрикнул Перси, густо покраснев. – В этом не было ничего личного!

– Очень даже было, – шепнул Фред Гарри на ухо, когда они вставали из-за стола. – Это же мы послали.

Глава шестая

Портшлюс

Гарри вроде бы только что лег спать, а его уже тормошила миссис Уизли.

– Пора вставать, Гарри, лапочка, – прошептала она и перешла к кровати Рона.

Гарри нашарил очки, надел их и сел. За окнами было еще темно. Рон, вяло уворачиваясь от матери, бормотал что-то невразумительное. У себя в ногах, за матрацем, Гарри увидел, как из простыней выпутываются два больших бесформенных силуэта.

– Штуже, поа? – плохо ворочая языком спросонок, сказал Фред.

Со сна неразговорчивые, ребята оделись и, потягиваясь и зевая, спустились в кухню.

Миссис Уизли у плиты мешала что-то в большом котле. Мистер Уизли сидел за столом и проверял толстую пачку больших пергаментных билетов. Он поднял глаза на мальчиков и развел руки, демонстрируя свой наряд – джемпер для гольфа и сильно потертые джинсы. Джинсы были великоваты и держались на толстом кожаном ремне.

– Ну как? – обеспокоенно спросил он. – Мы же едем инкогнито… Я похож на мугла, Гарри?

– Да, – улыбнулся Гарри, – еще как.

– А где Билл, Чарли и Пе-Пе-Перси? – У Джорджа не получилось подавить зевок.

– Ну они же аппарируют. – Миссис Уизли с трудом переставила котел на стол и начала раскладывать по мискам овсяную кашу. – Могут и еще поспать.

Гарри знал, что аппарировать очень трудно; это означало исчезать в одном месте и почти тут же появляться в другом.

– Ах, они еще спят, – проворчал Фред, придвигая к себе миску. – А нам почему нельзя аппарировать?

– Потому что вы несовершеннолетние и не сдали экзамен, – сварливо отозвалась миссис Уизли. – Куда подевались эти девчонки?

Она унеслась с кухни и затопала вверх по лестнице.

– Чтобы аппарировать, надо сдавать экзамен? – поинтересовался Гарри.

– Разумеется, – ответил мистер Уизли, аккуратно пряча билеты в задний карман джинсов. – Департамент волшебных путей сообщения на днях оштрафовал парочку любителей аппарировать без прав. Аппарировать не так-то просто. Чуть-чуть ошибешься, и могут выйти серьезные осложнения. Например, та несчастная парочка… их разомклинило.

Лица у всех исказились от ужаса, и только Гарри переспросил:

– Э-э-э… разомклинило?..

– Половина тела осталась на месте, – буднично пояснил мистер Уизли, поливая овсянку толстым слоем патоки. – И конечно, они застряли. Ни туда ни сюда. Пришлось дожидаться бригады по размагичиванию в чрезвычайных ситуациях. Сами понимаете, бумажной волокиты потом было ужас сколько, муглы же

заметили, что в воздухе части тела висят…

Гарри представил себе две ноги и глазное яблоко, позабытые посреди Бирючинной улицы.

– Но с ними все обошлось? – испуганно спросил он.

– Да, конечно, – спокойно ответил мистер Уизли. – Но заплатили огромный штраф. Вряд ли они вскоре захотят повторить свой подвиг. С аппарированием шутки плохи. Многие взрослые колдуны и то воздерживаются. Уж лучше на метле – тише едешь, дальше будешь.

– А что, и Билл, и Чарли, и Перси – они умеют?

– Чарли сдавал на права два раза, – ухмыльнулся Фред. – Первый раз провалился, аппарировал на пять миль южнее, чем нужно, прямо на голову одной милой старушке, которая шла за покупками – помните?

– Да, но во второй раз он сдал, – заявила миссис Уизли, появившаяся в кухне под дружное фырканье.

– А Перси сдал всего две недели назад, – сказал Джордж, – и с тех пор каждое утро аппарирует на первый этаж – просто доказать, что умеет.

В коридоре раздались шаги, и вошли Гермиона и Джинни, обе бледные и сонные.

– Зачем нам так рано? – Отчаянно продирая глаза, Джинни села за стол.

– Нам придется немного прогуляться, – объяснил мистер Уизли.

– Прогуляться? – удивился Гарри. – Мы что, пойдем на кубок пешком?

– Нет-нет, это далеко, – улыбнулся мистер Уизли. – Пройдемся совсем чуть-чуть. Просто колдунам очень трудно собраться толпой в одном месте, не привлекая внимания муглов. Нам и так-то приходится путешествовать очень осторожно, а уж когда крупное мероприятие, кубок мира…

– Джордж! – резко окрикнула миссис Уизли, и все вздрогнули.

– Что? – невинно отозвался Джордж, никого, впрочем, не обманув.

– Что это у тебя в кармане?

– Ничего!

– Не смей врать! – Миссис Уизли указала палочкой на его карман: – Акцио!

Из кармана стремительно вылетела стайка ярких шариков; Джордж цапнул пальцами, но не поймал, и шарики влетели прямо в руку миссис Уизли.

– Вам же велели это уничтожить! – яростно завопила миссис Уизли, держа на ладони не что иное, как помадки «Пуд-Язык». – Сказано же было избавиться! Выверните карманы, оба, живо!

Вышла неприятная сцена; очевидно, близнецы хотели контрабандой вытащить из дома как можно больше помадок, и лишь с помощью призывного заклятия миссис Уизли удалось обнаружить все.

– Акцио! Акцио! Акцио! – выкрикивала она, и конфеты вылетали к ней из самых неожиданных мест, включая подкладку куртки Джорджа и отвороты джинсов Фреда.

– Мы на них полгода ухлопали! – заорал на мать Фред, когда помадки отправились в помойку.

– Замечательный способ убить полгода! – пронзительно завопила в ответ миссис Уизли. – Неудивительно, что вам не удалось нормально сдать на С.О.В.У.

В конечном итоге при отъезде атмосфера в доме была не из благостных. Миссис Уизли целовала мужа на прощание, все еще недовольно хмурясь, однако Фред с Джорджем ее перещеголяли: молча вскинули рюкзаки на спины и удалились, не сказав матери ни слова.

– Ну, удачно вам повеселиться, – пожелала миссис Уизли. – И ведите себя как следует! – прокричала она в спины близнецам, но те не оглянулись и не ответили. – Я отправлю Билла, Чарли и Перси около полудня, – сказала она мистеру Уизли, а затем он, Гарри, Рон, Гермиона и Джинни тронулись в путь.

Было холодно, и на небе еще сияла луна. Лишь тускло-зеленоватая полоска справа на горизонте говорила о том, что рассвет близок. Гарри, размышлявший о тысячах и тысячах колдунов, что спешат к месту проведения финального матча, догнал мистера Уизли.

– А как все попадают на матч, чтобы муглы не заметили? – спросил он.

– Огромная организационная проблема, – вздохнул мистер Уизли. – Беда в том, что на игре будет около сотни тысяч колдунов, и, естественно, у нас просто нет волшебного пространства такого размера. Конечно, есть места, куда муглы проникнуть не могут, но ты представь, что получится, если сотня тысяч человек вдруг свалится на Диагон-аллею или на платформу девять и три четверти. Поэтому мы нашли большую пустошь и воздвигли вокруг всю мыслимую и немыслимую противомугловую защиту. Министерство работало многие месяцы. Прежде всего, разумеется, скользящий график прибытия. Те, у кого дешевые билеты, приезжают за две недели. Кое-кто – очень немногие – поедет мугловым транспортом, но нельзя, чтобы в поездах и автобусах было слишком много наших, – колдуны ведь прибывают со всего света. Кто-то, конечно, аппарирует, но им требуются безопасные площадки, чтобы не на голову муглам сыпаться. Я так понял, рядом со стадионом очень удобный лесок для аппарирования. А те, кто не хочет или не может аппарировать, используют портшлюсы. Это такие предметы, которые переносят колдунов с одного места на другое в заранее установленное время. Можно большими группами, если надо. Мы по всей Англии установили в стратегически важных точках двести портшлюсов. Ближайший к нам – на вершине Горностаевой Головы; вот туда мы и идем.

Мистер Уизли показал на огромную черную гору, что возвышалась за деревней Колготтери Сент-Инспекторт.

– А портшлюсы, они какие? – с любопытством спросил Гарри.

– Да любые, – ответил мистер Уизли. – Незаметные, сам понимаешь, такие, чтобы муглам не пришло в голову их подбирать или играть с ними… с виду обычный

мусор…

В тишине, нарушаемой лишь стуком подошв, они тащились к деревне по темной и мокрой тропе. Пока шли по деревне, небо очень медленно посветлело, чернильную черноту постепенно разбавила темная синева. У Гарри ужасно замерзли руки и ноги. Мистер Уизли поминутно поглядывал на часы.

Путники начали взбираться на Горностаеву Голову, и стало не до разговоров – дыхание перехватывало, они то попадали ногами в кроличьи норы, то поскальзывались на кочках, поросших густой черной травой. Каждый вдох отдавался у Гарри в груди острой болью, и мышцы в ногах уже сводило, когда наконец он снова почувствовал под ногами ровную землю.

– Ффу-у, – выдохнул мистер Уизли, снимая очки и вытирая их о джемпер. – Что ж, мы вовремя, у нас еще есть десять минут…

Гермиона поднялась последней, держась за бок.

– Осталось найти портшлюс, – сказал мистер Уизли. Он водрузил очки на нос и, сощурившись, оглядывал землю. – Что-нибудь небольшое… ищите…

Ребята разбрелись. Но не прошло и двух минут, как в неподвижном воздухе разнесся крик:

– Сюда, Артур! Сюда, сынок, вот он!

Над противоположным склоном на фоне звездного неба вырисовывались два высоких силуэта.

– Амос! – воскликнул мистер Уизли и с улыбкой направился к ним. Остальные зашагали следом.

Мистер Уизли пожал руку краснолицему колдуну с неухоженной каштановой бородой – тот держал заплесневелый старый башмак.

– Это Амос Диггори, ребята, – представил мистер Уизли. – Он работает в департаменте по надзору за магическими существами. А с его сыном Седриком

вы, я полагаю, знакомы?

Седрик Диггори, удивительно красивый юноша лет семнадцати, учился в «Хогварце» и был капитаном, а также Ловчим квидишной команды «Хуффльпуффа».

– Привет, – поздоровался Седрик, обводя всех взглядом.

Все ответили «привет», кроме Фреда и Джорджа, которые едва кивнули. Они так и не простили Седрику, что из-за него на первом же квидишном матче прошлого года гриффиндорская команда потерпела поражение.

– Устали, Артур? – спросил Амос.

– Ничего страшного, – отозвался мистер Уизли. – Мы живем прямо за холмом. А вы?

– Пришлось вставать в два – правда, Сед? Да, скажу я вам, поскорее бы он сдал на аппарирование. Хотя… я не жалуюсь… Кубок мира по квидишу! Да я это за мешок галлеонов не пропущу! Кстати, билеты так примерно и стоили. Но, похоже, я еще легко отделался… – Амос Диггори добродушно обвел глазами трех сыновей Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. – Все твои, Артур?

– Да нет, только рыжие. – Мистер Уизли показал на своих детей. – А это Гермиона, подруга Рона, – и Гарри, его друг…

– Мерлинова борода! – Глаза Амоса Диггори расширились. – Гарри? Гарри Поттер?

– Эмм… да, – сказал Гарри.

Он привык, что люди на него глазеют, услышав имя, и что их взгляды мгновенно перебегают к шраму на лбу, но все равно ему от этого было крайне неловко.

– Сед, понятно, о тебе говорил, – сообщил Амос Диггори. – И про вашу игру в том году тоже… А я ему тогда и сказал, слышь, говорю, Сед, ты ж потом будешь внукам рассказывать… как ты обыграл Гарри Поттера!

Гарри не нашелся, что ответить, и промолчал. Фред с Джорджем моментально надулись. Седрик немного смутился.

– Гарри упал с метлы, пап, – пробормотал он. – Я же объяснял… несчастный случай…

– Ясно! Но ты-то не упал! – добродушно пророкотал Амос, хлопнув сына по спине. – Всегда такой скромный, наш Сед, всегда джентльмен… но выиграл лучший. Гарри тебе скажет то же самое – скажи, Гарри? Кто-то падает с метлы, кто-то держится… Не надо большого ума, чтобы догадаться, который лучше летает!

– Должно быть, уже пора, – поспешно вмешался мистер Уизли, снова доставая часы. – Остальных ждем? Не знаешь, Амос?

– Нет, Лавгуды уже неделю там, а Фосетты не достали билетов, – ответил мистер Диггори. – Больше ведь в округе никого и нет?

– Я никого больше не знаю, – согласился мистер Уизли. – Так… осталась минута… надо приготовиться… – Он обернулся к Гарри и Гермионе: – Нужно просто дотронуться до портшлюса, хотя бы пальцем…

Сталкиваясь набитыми рюкзаками, восемь человек сгрудились возле старого ботинка, который на вытянутой руке держал Амос Диггори.

Они стояли тесным кружком. На вершину холма налетел холодный ветер. Все молчали. Как странно бы все это выглядело для муглов, внезапно подумал Гарри, случись им появиться здесь… девять человек, двое – взрослые мужчины, стоят в полутьме, хватаются за драный башмак и чего-то ждут…

– Три… – бормотал мистер Уизли, одним глазом косясь на часы, – два… один…

Все произошло мгновенно: Гарри как будто с силой дернули за крючок, прицепленный к пупку. Ноги оторвались от земли; по бокам он чувствовал Рона и Гермиону, они сталкивались с ним плечами; все вместе они летели куда-то в завываниях ветра и вихре разноцветных пятен; башмак как магнит держал Гарри за палец и тащил вперед, а потом…

Подошвы впечатались в почву; Рон врезался в него, и оба упали; портшлюс шмякнулся на землю неподалеку от головы Гарри.

Гарри поднял глаза. Мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик, сильно взъерошенные, стояли на ногах; остальные лежали на земле.

– 5:07 от Горностаевой Головы, – сказал голос.

Глава седьмая

Шульман и Сгорбс

Гарри высвободился из-под Рона и поднялся. Приземлились они посреди вересковой пустоши. Над ней поднимался туман. Поблизости стояли два мрачных, усталых колдуна. Один держал большие золотые часы, второй – толстый пергаментный свиток и перо. Оба замаскировались под муглов, правда, очень неискусно; человек с часами надел к твидовому костюму болотные сапоги, а его коллега облачился в пончо поверх килта.

– Доброе утро, Бейзил, – поздоровался мистер Уизли. Он подобрал с земли башмак и протянул колдуну в пончо, а тот швырнул использованный портшлюс в большой ящик. Там Гарри заметил старую газету, пустую банку из-под газировки и дырявый футбольный мяч.

– Приветствую, Артур, – устало ответил Бейзил. – Не на дежурство, нет? Везет же некоторым… А мы тут уже всю ночь… Вы бы лучше проходили поскорей, а то в 5:15 прибывает большая группа из Чернолесья. Подождите, я ваш лагерь найду… Уизли… Уизли… – Он просмотрел пергаментный свиток. – С четверть мили отсюда, первое поле. Распорядителя участка зовут мистер Робертс. Диггори… второе поле… спросите мистера Пейна.

– Спасибо, Бейзил. – И мистер Уизли поманил ребят за собой.

Они пошли вперед, мало что различая вокруг. Минут через двадцать из тумана выплыл каменный домик. Дальше, за воротами, Гарри смутно различил сотни и сотни палаток, поднимающихся по ровному склону большого поля к черному лесу, силуэтом прорисованному на горизонте. Они попрощались с Диггори и подошли к двери домика.

На пороге стоял человек и смотрел вдаль на палатки. С первого же взгляда Гарри стало ясно, что здесь это единственный настоящий мугл. Услышав шаги, мугл обернулся.

– Доброе утро! – бодро сказал мистер Уизли.

– Доброе, – ответил мугл.

– Это вы мистер Робертс?

– Я самый, – ответил тот. – А вы кто?

– Уизли. Пару дней назад я заказывал место на две палатки.

– Ага. – Мистер Робертс проверил список на двери. – Вам вон туда, к лесу. Только на одну ночь?

– Совершенно верно.

– Наверно, заплатите сразу?

– А! Да… конечно… – проговорил мистер Уизли. Он отошел от домика и поманил к себе Гарри. – Помоги, – попросил он, доставая из кармана мугловые деньги, скатанные в трубочку, и отсчитывая бумажки. – Это вот… сколько?.. Десять? Ах да, вот же цифирка… Значит, это пять?

– Это двадцать, – вполголоса поправил Гарри, с неловкостью замечая, что мистер Робертс навострил уши.

– Да-да, точно… Ну, я не знаю, такие крохотные бумажки…

– Вы иностранец? – осведомился распорядитель, когда мистер Уизли вручил ему правильные банкноты.

– Иностранец? – озадачился тот.

– Вы здесь не первый, кто в деньгах путается, – пояснил мистер Робертс, дотошно изучая мистера Уизли. – Десять минут назад двое вообще чуть не всучили мне золотые монеты. Громадные, ну прям колпак колесный.

– Да что вы? – нервно ахнул мистер Уизли.

Мистер Робертс пошарил в консервной банке в поисках сдачи.

– Никогда тут не бывало столько народу, – вдруг сказал он, снова обводя взглядом туманное поле. – Сотни предварительных заказов. Обычно все просто так приезжают…

– Неужели? – Мистер Уизли протянул ладонь за сдачей, но мистер Робертс ничего ему не дал.

– Ага, – протянул он задумчиво. – Со всего света. Куча иностранцев. И не просто иностранцев. Чудики все, понимаете? Видали, мужик разгуливал в килте и пончо?

– А нельзя? – встревожился мистер Уизли.

– Ну, у них тут вроде как бы… ну, я не знаю… вроде слета, что ли, – определил мистер Робертс. – И все знают друг друга. Как на большой вечеринке.

У двери из воздуха материализовался колдун в бриджах.

– Обливиате! – выпалил он, ткнув в мистера Робертса палочкой.

Взгляд мугла мгновенно расфокусировался, озабоченно нахмуренный лоб разгладился, и на лице нарисовалась мечтательная беспечность. Гарри мигом распознал симптомы: так выглядит человек с только что модифицированной памятью.

– Возьмите карту лагеря, – безмятежно предложил распорядитель. – И сдачу.

– Большое спасибо, – ответил мистер Уизли.

Колдун в бриджах проводил их до ворот. Вид у него был изнуренный, давно небритый подбородок отливал синевой, под глазами пролегли темно-лиловые тени. Отойдя на приличное расстояние от мистера Робертса, он пробормотал мистеру Уизли:

– Мне с ним столько хлопот! Без десятка заклятий забвения в день жить не может спокойно! И Людо Шульман тоже хорош! Расхаживает тут и во весь голос рассуждает о Кваффлах и Нападалах, как будто о противомугловой безопасности слыхом не слыхивал! Святое небо, как я буду счастлив, когда все это закончится! Ну, увидимся, Артур.

И он дезаппарировал.

– Я думала, мистер Шульман – глава департамента по колдовским играм и спорту? – удивленно вскинула брови Джинни. – Как же он не соблюдает осторожность? Разве можно говорить про Нападал при муглах?

– Нельзя, – улыбнулся мистер Уизли, пропуская ребят в ворота, – но Людо всегда… ммм… манкировал безопасностью. Зато такого энтузиаста на должность главы спортивного департамента больше не найдешь. Он ведь сам играл в квидиш за сборную Англии. После него у «Обормутских ос» не бывало таких Отбивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhoan-rouling/garri-potter-i-kubok-ognya-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити